

TEMPUS
ET
MEMORIA

TEMPUS ET MEMORIA

Журнал основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Издатель: Издательство Уральского университета, 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77- 79281 от 02 октября 2020 г.

Журнал индексируется в БД: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

В журнале печатаются статьи по философии, социологии и политологии. Материалы представлены в рубриках по проблемам, разработка которых требует совместных усилий философов, социологов и политологов. Редакционная политика «Tempus et Memoria» строится на принципах научного плюрализма: позиция авторов журнала не обязательно отражает точку зрения редколлегии. Редакция журнала стремится соответствовать строгим критериям научности, все материалы проходят двойное слепое рецензирование. К рецензированию и печати принимаются материалы на русском и английском языках. Особое внимание уделяется участию молодых перспективных исследователей — аспирантов или соискателей. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Е-mail: tempusetmemoria@urfu.ru

Сайт: tempusetmemoria.ru

Адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319, «Tempus et Memoria»

© Уральский федеральный университет, 2021

TEMPUS ET MEMORIA

The Journal was founded in 2006
Published 4 times a year

Founded by Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mira Str., 620002 Yekaterinburg, Russia

Publisher: Ural University Press
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media. Mass media registration certificate EL FS77- 79281
as of October 02, 2020

The Journal is indexed in: Science Index (eLibrary)

The journal publishes articles on philosophy, sociology and political science. The materials are presented under the headings on problems, the development of which requires the joint efforts of philosophers, sociologists and political scientists. The editorial policy of «Tempus et Memoria» is based on the principles of scientific pluralism: the position of the authors of the journal does not necessarily reflect the point of view of the editorial board. The editors of the journal strive to meet strict criteria for scientificity, all materials undergo double-blind peer review. Materials in Russian and English are accepted for review and printing. Particular attention is paid to the participation of young promising researchers — graduate students or applicants. Publications in the journal are carried out on a non-commercial basis.

Email: tempusetmemoria@urfu.ru
website: tempusetmemoria.ru

Editorial Office Address: 51, Lenin Ave., c. 319, 620000 Yekaterinburg, Russia
Tempus et Memoria

© Ural Federal University, 2021

Главный редактор

Д. А. Аникин, к. ф. н. (Россия, Москва, Московский государственный университет)

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Редакторы разделов

А. А. Линченко, к. ф. н. (Россия, Липецк, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ) — редактор раздела по философии

А. В. Михалев, д. п. н. (Россия, Улан-Удэ, Бурятский государственный университет) — редактор раздела по политологии

Е. Ю. Рождественская, д. с. н. (Россия, Москва, Высшая школа экономики) — редактор раздела по социологии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е. В. Беляева, к. ф. н. (Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет)

А. Г. Васильев, к. и. н. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

Н. В. Веселкова, к. с. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

И. О. Дементьев, к. и. н. (Россия, Калининград, Балтийский федеральный университет)

Д. В. Ефременко, д. п. н. (Россия, Москва, Институт научной информации по общественным наукам РАН)

Г. В. Касьянов, д. и. н. (Украина, Киев, Национальная академия наук Украины)

М. Г. Мацкевич, к. с. н. (Россия, Санкт-Петербург, Социологический институт Российской академии наук)

Е. Махотина, PhD (Германия, Бонн, Рейнский университет Фридриха Вильгельма в Бонне)

А. С. Меньшиков, к. ф. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

А. И. Миллер, д. и. н. (Россия, Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге)

М. М. Мчедлова, д. п. н. (Россия, Москва, Российский университет дружбы народов)

Ф. В. Николаи, д. ф. н. (Россия, Нижний Новгород, Мининский университет)

И. О. Пешков, PhD (Польша, Познань, Университет им. Адама Мицкевича)

В. В. Семенова, д. с. н. (Россия, Москва, Институт социологии Российской академии наук)

М. Е. Соболева, д. ф. н. (Австрия, Клагенфурт, Альпийско-Адриатический университет Клагенфурта)

Е. О. Труфанова, д. ф. н. (Россия, Москва, Институт философии Российской академии наук)

Е. С. Черепанова, д. ф. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Миллер, д. и. н. (Россия, Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге) (**председатель**)

Ш. Бергер, PhD (Германия, Бохум, Рурский университет в Бохуме)

В. А. Кокшаров, к. и. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

М. Ларюэль, PhD (США, Вашингтон, Университет Джорджа Вашингтона)

Н. А. Ломагин, д. и. н. (Россия, Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге)

О. Ю. Малинова, д. ф. н. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

Т. Л. Никодемо, PhD (Бразилия, Сан-Паулу, Университет Кампинас)

Л. Ноймайер, PhD (Франция, Париж, Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна)

Л. П. Репина, д. и. н. (Россия, Москва, Институт всеобщей истории Российской академии наук)

Р. Саква, PhD (Великобритания, Кентербери, Кентский университет)

Д. Сталюнас, PhD (Литва, Вильнюс, Институт истории Литвы)

В. Н. Сыров, д. ф. н. (Россия, Томск, Томский государственный университет)

Б. Тренчени, PhD (Венгрия, Будапешт, Центральный Европейский университет)

М. Б. Хомяков, д. ф. н. (Кыргызстан, Бишкек, Университет Центральной Азии)

Дизайн обложки — Ольга Язовская

Editor-in-Chief

D. Anikin, PhD (Russia, Moscow, Moscow State University)

Managing Editor

E. Kovaleva (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

Partition editor

A. Linchenko, PhD (Russia, Lipetsk, Financial University under the Government of the Russian Federation), Philosophy Section Editor

A. Mikhalev, PhD (Russia, Ulan-Ude, Buryat State University), Political Science Section Editor

E. Rozhdestvenskaya, PhD (Russia, Moscow, National Research University Higher School of Economics), Sociology Section Editor

EDITORIAL BOARD

E. Belyaeva, PhD (Belarus, Minsk, Belarusian State University)

E. Cherepanova, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

I. Dementev, PhD (Russia, Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University)

D. Efremenko, PhD (Russia, Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences)

G. Kasianov, PhD (Ukraine, Kiev, Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine)

E. Makhotina, PhD (Germany, Bonn, University of Bonn)

M. Matskevich, PhD (Russia, St. Petersburg, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences)

M. Mchedlova, PhD (Russia, Moscow, RUDN University)

A. Menshikov, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

A. Miller, PhD (Russia, St. Petersburg, European University at St. Petersburg)

F. Nikolai, PhD (Russia, Nizhny Novgorod, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University)

I. Peshkov, PhD (Poland, Poznan, Adam Mickiewicz University in Poznan)

V. Semenova, PhD (Russia, Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences)

M. Soboleva, PhD (Austria, Klagenfurt, University of Klagenfurt)

E. Trufanova, PhD (Russia, Moscow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

A. Vasilyev, PhD (Russia, Moscow, National Research University Higher School of Economics)

N. Veselkova, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

EDITORIAL COUNCIL

A. Miller, PhD (Russia, St. Petersburg, European University at St. Petersburg) (**Chairman**)

S. Berger, PhD (Germany, Bochum, Ruhr University Bochum)

M. Homiyakov, PhD (Kyrgyzstan, Naryn, University of Central Asia)

V. Koksharov, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

M. Laruelle, PhD (USA, Washington, George Washington University)

N. Lomagin, PhD (Russia, St. Petersburg, European University at St. Petersburg)

O. Malinova, PhD (Russia, Moscow, National Research University Higher School of Economics)

T. Nicodemo, PhD (Brazil, São Paulo, University of Campinas)

L. Neumayer, PhD (France, Paris, Université de Paris 1 Panthéon-Sorbonne)

L. Repina, PhD, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences)

R. Sakwa, PhD (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Canterbury, University of Kent at Canterbury)

D. Staliunas, PhD (Lithuania, Vilnius, Lithuanian Institute of History)

V. Syrov, PhD (Russia, Tomsk, Tomsk State University)

B. Trencsényi, PhD (Hungary, Budapest, Central European University)

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

- Иванов А. Г.**
Темпоральное измерение «работы над мифом»: отложенная ответственность 6
- Лойко Л. Е.**
Историческая ответственность, право и практики сетевых медиакоммуникаций ... 12

HISTORICAL MEMORY AND HISTORICAL RESPONSIBILITY

- Ivanov A. G.**
The Temporal Dimension of «Work on Myth»: Deferred Responsibility 6
- Loiko L. E.**
Historical Responsibility, Law and Practices of Networked Media Communications 12

ПАМЯТЬ И ВРЕМЯ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

- Аникин Д. А., Андриченко С. А.**
Политика памяти о начале Второй мировой войны: особенности медиаконтента в современной Италии 18
- Артамонов Д. С.**
Медиапамять в культуре фанфикшн: образ Петра I в сетевой литературе 24

MEMORY AND TIME IN MEDIA SPACE

- Anikin D. A., Andrisenko S. A.**
The Policy of Remembrance of the Beginning of World War II: Features of Media Content in Modern Italy 18
- Artamonov D. S.**
Media Memory in the Fanfiction Culture: the Image of Peter the Great in Online Literature 24

«ВОЙНЫ ПАМЯТИ» В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Батищев Р. Ю.**
Память о войнах и «войны памяти» в современных memory studies: основные подходы к изучению и ключевые акторы 34
- Головашина О. В.**
«Мемориальные войны»: между метафорой и концептом 43
- Комплев А. В.**
Исторические сюжеты современных мемориальных войн на постсоветском пространстве 53

“MEMORY WARS” IN MODERN POLITICAL DISCOURSE

- Batishchev R. Yu.**
War Memory and “Memory Wars” in Modern Memory Studies: the Main Approaches and Key Actors 34
- Golovashina O. V.**
“Memory Wars”: between Metaphor and Concept 43
- Kompleev A. V.**
Historical Stories of Modern Memorial Wars in the Post-Soviet Space 53

ОБЗОРЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

- Линченко А. А.**
Ключевые понятия исторической дидактики и исторического обучения в межкультурной перспективе: обзор международной научной конференции (г. Грац, 11–14 ноября 2020 г.) 59

CONFERENCE REVIEWS

- Linchenko A. A.**
Core Concepts of History Didactics and Historical Education in Intercultural Perspectives: Review of the International Scientific Conference (Graz, November 11–14, 2020) 59

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

DOI 10.15826/tetm.2021.1.001
УДК 82-94:159.953 + 130.2 + 81'373.46

Андрей Геннадиевич Иванов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал), Липецк, Россия*

E-mail: agivanov2@yandex.ru

Темпоральное измерение «работы над мифом»: отложенная ответственность

В статье рассматриваются особенности развертывания во времени «работы над мифом» (термин, предложенный Х. Блюменбергом). Демонстрируются случаи из практики политических отношений, когда на субъект международного права возлагается ответственность за события спустя длительный период времени. Отмечается, что распространяющиеся на каузальные связи специфические темпоральные характеристики представляются производными в режиме «работы над мифом». Делается вывод, что феномен так называемой отложенной ответственности оказывается дополнительным инструментом манипулятивного воздействия на массовое сознание.

Ключевые слова: миф, «работа над мифом», ответственность, темпоральность, «глобальный миф», мифологема

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00297 «Мифологизация времени в современной медийной среде: риски трансформации, стратегии конструирования, дискурсивные практики».

Для цитирования: Иванов А. Г. Темпоральное измерение «работы над мифом»: отложенная ответственность // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2. № 1. С. 6–11.

Поступила в редакцию: 15.03.2021

Принята к печати: 30.03.2021

Andrey G. Ivanov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Lipetsk, Russia

The Temporal Dimension of «Work on Myth»: Deferred Responsibility

The article deals with the features of “work on myth” (a term proposed by H. Blumenberg) unfolding in time. The article demonstrates cases from the practice of political relations, when the subject of international law is held responsible for events after a long period of time. It is noted that specific temporal characteristics that extend to causal connections are presented as derivatives in the mode of “work on myth”. It is concluded that the phenomenon of so-called deferred responsibility is an additional tool for manipulative influence on the mass consciousness.

Key words: myth, “work on myth”, responsibility, temporality, “global myth”, mythologem

For citation: Ivanov, A. G. (2021). Temporal’noe izmerenie “raboty nad mifom”: otlozhennaya otvetstvennost’ [The Temporal Dimension of “Work on Myth”: Deferred Responsibility]. *Tempus et Memoria*, 2, 1, 6–11.

Submitted: 15.03.2021

Accepted: 30.03.2021

Историй всего четыре. И сколько бы времени нам ни осталось, мы будем пересказывать их — в том или ином виде.

Х. Л. Борхес. Четыре цикла

Понятие «работа над мифом» получило распространение с выходом одноименной работы Х. Блюменберга [Blumenberg], в которой было отмечено, что специфика работы над мифом и самого мифа во многом определяется отношением между его рассказчиками и слушателями; тем, какое значение имеет миф для отдельного человека в определенных обстоятельствах. То есть работа над мифом есть процесс постоянного рассказывания-знакомства (получения) и пересказывания мифа. В результате мы имеем дело с совокупностью таких рассказов-пересказов нарративов, разворачивающихся вокруг какой-либо фигуры, ситуации, процесса, обладающих значимостью для конкретного человека, группы здесь и сейчас.

Когда мы используем термин «работа над мифом», речь, конечно, может идти и о религиозном, и о классическом мифе, но, как правило, имеется в виду социальный, например политический, миф. Дело в том, что результаты такой работы будут разными: в первом случае утверждается незыблемость порядка

и возникают «закрытые» (завершенные) мифы (closed myths), во втором — подчеркивается постоянно меняющееся положение вещей, зависящее от текущей социальной и политической ситуации, от исторического бэкграунда, от того, какое значение имеет определенный миф или мифологема для человека и общества в данный момент. Такого рода отличия были выделены антропологом Ю. Е. Березкиным, когда он сравнивал фольклор и мифологию: «Фольклор состоит из текстов, которые истолкования не требуют, переводимы на любой язык и могут изучаться в отрыве от породившей их культурной среды (“этний” подход). Текст может восприниматься буквально, как рассказ именно о тех событиях, о которых в нем идет речь. Если же он служит знаком или метафорой чего-то другого, он превращается в миф. Мифология требует понимания, истолкования, возможных лишь в контексте определенной культуры и предполагающих хорошее владение соответствующим языком (“эмный” подход). Один и тот же текст может служить основой различных мифов в зависимости от того, кто его интерпретирует. Смысл, ценность и эмоциональность в мифологические тексты вносят слушатели и рассказчики. Исследователь, пытающийся реконструировать процесс осмысления мифа в отсутствие полноценного контакта

с носителями традиции, берется за невыполнимую задачу» [Березкин, 170].

Дело в том, что мифы не функционируют в вакууме, и концепт работы над мифом Х. Блюменберга предполагает следующее: каждый вариант мифа, так же как и каждая отдельная мифологема, работает на руинах ранее существовавших конструкций. То есть существовавший ранее материал затем используется для новых потребностей и преобразуется таким образом, чтобы придать значимость новым обстоятельствам посредством процесса, который Х. Блюменберг назвал «реокупация» [Bottici, 127].

В процессе превращения нарратива в миф показательно то, как осуществляется трансформация модусов времени: «Повествование о событиях не просто предполагает временную последовательность того, что происходит, но и конфигурационное измерение или сюжет, в котором из разрозненных событий выстраивается значительное целое» [Ibid., 179]. При этом сюжет может охватывать абсолютно любое по продолжительности время, длиться сколь угодно долго; главное, чтобы, так сказать, картинка складывалась.

На наш взгляд, дело в том, что «...в особой мифологической темпоральности формируется непротиворечивая картина мира и что мифологические события структурируют человеческое восприятие. Мифологизация и миф упрощают реальность, одним из элементов которой и оказывается этот самый временной гештальт или «остров». И чем больше в памяти будет таких мифологизированных эпизодов, которые, как строительный материал, будут позволять конструировать прошлое, тем легче можно будет управлять не только прошлым, но и планировать будущее» [Иванов, 85].

Мифы не только репрезентируют, но и объясняют коллективное прошлое, настоящее и будущее. Они указывают на возможные причины неудач сообщества, определяют его героев и предателей, его спасителей и врагов [Малинова, 17]. Мифы могут служить средством отрицания ответственности за неблагоприятное прошлое, перекладывая таковую на внешних врагов. Мифы формируют «моральный универсум смыслов» [Overling, 12] и определяют в массовом сознании приемлемые и неприемлемые вещи.

В действительности мы имеем дело с повторяющимся репертуаром сюжетов, построенным на восходящем к архаике материале (например, о борьбе между двумя противоположностями типа «мы — они», «свой — чужой» и т. п.). Таких сюжетов немного, они, по нашему мнению, связаны с так называемыми «глобальными» мифами, среди которых миф о герое, о жертве, о враге, о вечном возвращении и т. п. (встречается у Дж. Кэмпбелла (мономиф) [Кэмпбелл], Х. Л. Борхеса (четыре цикла) [Борхес]). Об этом пишет С. А. Шомова, когда приводит примеры «блуждающих» сюжетов и образов политического бессознательного [Шомова, 13–54]. Работа над такими мифами разная, вариативная. Особенность «глобальных» мифов состоит в том, что в них органично сочетаются два уровня современных социальных мифов — «архаический» (содержит устойчивые образы, генерируемые коллективно, мифологеми) и «конъюнктурный» (результаты мифотворческой деятельности, идеологеми). Иногда «глобальный» миф сложно усмотреть, но многое зависит от ракурса и подходящего момента. Говоря словами Р. Барта [Барт, 277], неясно, смогут ли мифы проникнуть в большую прессу, в загородные особняки рантье, в парикмахерские салоны, в метро. Так, бывают времена, когда миф, скажем так, отсиживается в засаде, ждет своего часа, чтобы быть уместным, соответствующим конъюнктуре

Также существуют производные, частные мифы или мифы, формирующиеся в зависимости от текущей конъюнктуры. Специфика их в том, что они всегда связаны с «глобальными» мифами в той или иной степени, например, «мы — они» — «глобальный миф», а «Россия как враг» или «миф о российской угрозе» — производные. То есть происходит постоянная реокупация глобальных мифов, в результате чего возникают разные модификации известных сюжетов, наполненные новой конъюнктурой, актуальными обстоятельствами. Так, считается, что на стыке XX и XXI вв. «Запад перезапустил старый миф о советской угрозе, заменив разве что слово “советская” на слово “российская”» [Андреев, 95]. Такие производные мифы можно считать мифологемами, учитывая, что под мифологемами мы понимаем структурную единицу мифа (например, миф

о герое содержит мифологемы путешествия героя, борьбы героя и т. п.).

Рассмотрим случай со взрывами складов боеприпасов в чешском местечке Врбетице. Сразу бросаются в глаза два обстоятельства, связанные со временем: взрывы произошли 16 октября и 3 декабря 2014 г., а широкий общественный резонанс вокруг них возник в апреле 2021 г., то есть спустя примерно шесть с половиной лет. Весной 2021 г. руководство Чехии в лице премьер-министра заявило, что следствие (длящееся несколько лет) склоняется только к одной версии причин взрывов — диверсионной деятельности российских спецслужб [Премьер Чехии...], а орган законодательной власти Чешской Республики и вовсе счел взрывы актом государственного терроризма [Сенат Чехии...].

На наш взгляд, здесь следует говорить о работе над глобальным мифом «мы — они», внутри которого была задействована мифологема «Россия как враг», усиленная благодаря таким факторам, как близость во времени (proximity in time) и потакание определенным политическим интересам и общественным настроениям. Влияние данной мифологемы возросло, в частности, благодаря близости по времени к другим событиям — вооруженному конфликту на юго-востоке Украины. В обоих случаях речь идет о 2014 году. Кроме того, способствовала усилению мифологемы «Россия как враг» развивающаяся в последние годы конфронтация между Российской Федерацией, с одной стороны, и странами Запада и объединениями государств (Евросоюз) — с другой, что поддерживалось многими СМИ — как западными, так и российскими.

Но для того чтобы современный социальный миф (пусть и в виде отдельной мифологемы) заработал в полную силу, необходимо также наличие в нем рациональных составляющих, как бы намекающих на реальность происходящего. То есть совсем необязательно, чтобы современные мифы полностью базировались, например, на идее вечного возвращения, на сакральных компонентах. Добавление исторических фактов в работу мифа только усиливает его, делает в том числе и относящимся к профанному миру повседневности, к порядку рационального. В качестве таковых рациональных компонентов процесса работы

над мифом в рассматриваемом нами случае выступили действия органов власти Чехии — работа следствия, то есть добавилось нормативно-правовое измерение.

Также взрывы складов боеприпасов во Врбетице следует рассматривать в качестве особенного этапа работы над мифом в формате мифологемы «Россия как враг», такого этапа, где присутствует «отложенная ответственность». Отложенная ответственность — это своеобразная продуманная модификация работающего мифа или мифологемы. Причем такая модификация — дело рук так называемых мифотворцев, которые акцентируют свое внимание на целях мифа и степени его принятия публикой.

Если раньше — сбитый «Боинг» (17 июля 2014 г.), отравление Скрипалей (4 марта 2018 г.) — мгновенно или сразу назначали «ответственных» (но это не давало нужного эффекта, так как вышеуказанным компонентам работы над мифом, скажем так, недоставало рациональности). События же во Врбетице продемонстрировали следующее: с одной стороны, апеллирование к нормативно-правовой стороне (то есть к рациональным составляющим), с другой — ко времени в специфическом виде (имеются в виду разрывы во времени, продолжительность которых не так важна, как возможность связать события в рамках работающего мифа).

Исследователи ответственности [Философия ответственности, 86–89] выделяют два ключевых аспекта феномена — каузальный и аксиологический. Первый связан с причинно-следственными отношениями, второй — с оценкой этих отношений. Каузальные отношения, в свою очередь, изучаются в следующих разновидностях: «событие — событие», «агент — событие» и два типа отношения «способность агента — событие» (первый тип — способность агента в строгом смысле, то есть совокупность его компетенций; второй тип — способность агента в нестрогом смысле, то есть компетенции плюс осознание агентом общей ситуации его деятельности).

Учитывая отмеченное представление об ответственности, легко увидеть в действиях агента в лице Запада именно второй тип отношений — «способность агента — событие». То есть агент полностью осознавал, как каузальные

и темпоральные измерения работы над мифом могут его усилить. Заметим, что агент и есть в нашем случае не кто иной, как мифотворец.

Здесь следует сделать ряд пояснений. Дело в том, что в традиционных обществах для того, чтобы миф заработал, действия так называемых партиципационных факторов было достаточно: закон «Все взаимосвязано со всем» функционировал безотказно, им объясняли все совпадения во времени. То, что произошло после, расценивалось как то, что произошло вследствие, то есть предшествующее событие оказывалось причиной. Эта работа мифа используется и сегодня. Но в настоящее время для усиления действенности «глобального мифа» нужно только выбрать из исторического времени какое-нибудь подходящее событие и,

так сказать, включить его в этот миф, что-нибудь добавив (например, некий «налет» рациональности). То есть темпоральные характеристики представляются производными в режиме работы над мифом.

Таким образом, для пущей эффективности мифы должны постоянно меняться, точнее, насыщаться текущей конъюнктурой и параллельно дополняться новыми рациональными составляющими, например, правовыми. При этом миф невозможно ни нейтрализовать, ни преодолеть, но существует пульсирующий во времени цикл мифа. Феномен же так называемой отложенной ответственности оказывается в данном случае дополнительным инструментом манипулятивного воздействия на массовое сознание.

Список литературы

- Андреев Д. На информационном фронте без перемен: невыученные уроки холодной войны // «Запад как враг»: реанимация исторического мифа или новая реальность?: материалы семинара 22 октября 2014 г. / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М. : АИРО-XXI, 2014. С. 89–106.
- Барт Р. Мифологии : пер. с фр. М. : Издательство им. Сабашниковых, 2004.
- Березкин Ю. Е. Мифы заселяют Америку: Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М. : ОГИ, 2007.
- Борхес Х. Л. Четыре цикла // Собр. соч. : в 4 т. Т. 3 : Произведения 1970-х годов : пер. с исп. СПб. : Амфора, 2005. С. 126–127.
- Иванов А. Г. Мифологизация времени: теоретические основания и современная специфика // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. № 459. Окт. С. 80–87. DOI: 10.17223/15617793/459/9.
- Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой : пер. с англ. М. : Рефл-бук : АСТ ; Киев : Ваклер, 1997.
- Малинова О. Ю. Миф как категория символической политики // Символическая политика : сб. науч. тр. Вып. 3 : Политические функции мифов. М. : ИНИОН РАН, 2015. С. 5–24.
- Премьер Чехии заявил о единственной версии взрывов военных складов в 2014 году // Ведомости. 26 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/04/26/867722-premer-chehii-zayavil-o-edinstvennoi-versii-vzryvov-voennih-skladov-v-2014-godu> (дата обращения: 27.05.2021).
- Сенат Чехии назвал взрыв во Врбетицах актом государственного терроризма со стороны России // Русский мониторинг. 21 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rusmonitor.com/senat-chehii-nazval-vzryv-vo-vrbeticzah-aktom-gosudarstvennogo-terrorizma-so-storony-rossii.html> (дата обращения: 27.05.2021).
- Философия ответственности / под ред. Е. Н. Лисанюк, В. Ю. Перова. СПб. : Наука, 2014.
- Шомова С. А. От мистерии до стрит-арта: Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
- Blumenberg H. Work on Myth. Cambridge, MA : MIT Press, 1985.
- Bottici C. A Philosophy of Political Myth. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
- Overling J. The Role of Myth: An Anthropological Perspective, or «The Reality of the Reality Made-up» // Myths and Nationhood / ed. by G. Hosking, G. Schopflin. N. Y. : Routledge, 1997. P. 1–18.

References

- Andreev, D. (2014). Na informatsionnom fronte bez peremen: nevyuchennye uroki kholodnoy voyny [No Change on the Information Front: The Unlearned Lessons of the Cold War]. In K. Eimermacher, G. Bordyugov (eds.), “Zapad kak vrag”: reanimatsiya istoricheskogo mifa ili novaya real'nost'? Materialy Seminara 22 oktyabrya 2014 g., 89–106. Moscow: AIRO-XXI.
- Barthes, R. (2004). *Mifologii* [Mythologies]. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh.
- Beryozkin, Yu. E. (2007). *Mify zaselyayut Ameriku; Areal'noe raspredelenie fol'klornykh motivov i rannie migratsii v Novyy Svet* [Myths populate America: The Areal distribution of folklore motifs and early migrations to the New World]. Moscow: OGI.
- Blumenberg H. (1985). *Work on Myth*. Cambridge, MA: MIT Press.

Borges, J. L. (2005). *Chetyre tsikla* [Four Stories]. In *Sobranie sochineniy: v 4 t. T. 3. Proizvedeniya 1970-kh godov*, 126–127. Saint Petersburg: Amphora.

Bottici C. (2007). *A Philosophy of Political Myth*. Cambridge: Cambridge University Press.

Campbell, J. (1997). *Tysyachelikiy geroy* [The Hero with a Thousand Voices]. Moscow: Refl-buk, AST; Kyiv: Vakler.

Ivanov, A. G. (2020). Mifologizatsiya vremeni: tepreticheskie osnovaniya i sovremennaya spetsifika [Time Mythologization: Theoretical Foundations and Contemporary Specifics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 459, 80–87. DOI: 10.17223/15617793/459/9.

Lisanyuk, E. N., Perov, V. Yu. (eds.) (2014). *Filosofiya otvetstvennosti* [Philosophy of Responsibility]. Saint Petersburg: Nauka.

Malinova, O. Yu. (2015). Mif kak kategoriya simvolicheskoy politiki [Myth as a Category of Symbolic Politics]. In Malinova O. Yu. (ed.), *Simvolicheskaya politika: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 3: Politicheskie funktsii mifov*, 5–24. Moscow: INION RAN.

Overling J. (1997). The Role of Myth: An Anthropological Perspective, or “The Reality of the Reality Made-up”. In G. Hosking, G. Schopflin (eds.), *Myths and Nationhood*, 1–18. N. Y.: Routledge.

Prem'er Chekhii zayavil o edinstvennoy versii vzryvov voennykh skladov v 2014 godu [The Prime Minister of the Czech Republic Announced the Only Version of the Explosions of Military Warehouses in 2014]. *Vedomosti*, 26.04.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/04/26/867722-premer-chehii-zayavil-o-edinstvennoi-versii-vzrivov-voennih-skladov-v-2014-godu> (mode of access: 27.05.2021).

Senat Chekhii nazval vzryv vo Vrbetitsakh aktom gosudarstvennogo terrorizma so storony Rossii [The Czech Senate Called the Explosion in Vrbetici an Act of State Terrorism on the Part of Russia]. *Russkiy Monitor*, 21.04.2021. URL: <https://rusmonitor.com/senat-chehii-nazval-vzryv-vo-vrbeticzah-aktom-gosudarstvennogo-terrorizma-so-storony-rossii.html> (mode of access: 27.05.2021).

Shomova, S. A. (2016). *Ot misterii do strit-art. Ocherki ob arkhetyпах v politicheskoy kommunikatsii* [From Mystery to Street Art. Essays on the Archetypes of Culture in Political Communication]. Moscow: HSE Publishing House.

Сведения об авторе

Иванов Андрей Геннадиевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал), Липецк, Российская Федерация

Information about the author

Andrey G. Ivanov, Doct. Philos. (Eng.), Professor, Russian Presidential Academy of Nation Economy and Public Administration, Lipetsk Branch, Lipetsk, Russian Federation

DOI 10.15826/tetm.2021.1. 002
УДК 070.1:004.738.5 + 130.2:316.77 + 303.01

Лариса Егоровна Лойко

Академия МВД Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь

E-mail: larisa.loiko@tut.by

Историческая ответственность, право и практики сетевых медиакоммуникаций

Исследована проблема связи социальных феноменов исторической ответственности, права и сетевых медиакоммуникаций в условиях растущей интенсивности использования фейк-технологий. Определено научное направление конвергенции информационных и правовых технологий в области исторической памяти. На примере Республики Беларусь показано, как решаются задачи сохранения общей истории Беларуси и России.

Ключевые слова: историческая память, историческая ответственность, право, медиакоммуникации, социальные сети, Беларусь, Россия

Для цитирования: Лойко Л. Е. Историческая ответственность, право и практики сетевых медиакоммуникаций // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2. № 1. С. 12–17.

Поступила в редакцию: 15.02.2021

Принята к печати: 01.03.2021

Larisa E. Loiko

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

Historical Responsibility, Law and Practices of Networked Media Communications

The problem of connection between social phenomena of historical responsibility, law and network media communications in the context of the growing intensity of the use of fake technologies is investigated. The scientific direction of convergence of information and legal technologies in the field of historical memory is determined. The example of the Republic of Belarus shows how the tasks of preserving the common history of Belarus and Russia are being solved.

Key words: historical memory, historical responsibility, law, media communications, social networks, Belarus, Russia

For citation: Loiko, L. E. (2021). Istoricheskaya otvetstvennost', pravo i praktiki setevykh mediakommunikatsii [Historical Responsibility, Law and Practices of Networked Media Communications]. *Tempus et Memoria*, 2, 1, 12–17.

Submitted: 15.02.2021

Accepted: 01.03.2021

Информационное пространство Беларуси сформировалось в XX столетии в границах БССР. В этот исторический период была создана инфраструктура средств массовой информации на республиканском, областном, городском, районном уровнях. Основное место в структуре СМИ заняли радио, телевидение, периодическая печать. В числе газет республиканского статуса важную роль стали играть «Звезда», «Советская Белоруссия» [Медиапространство...]. В сегменте отраслевой информации были представлены газеты для учителей, тружеников села. Создана система изданий по принципу возрастных особенностей. Молодежь о событиях в республике информировали газеты «Знамя юности», «Чырвоная змена». Правовой аспект деятельности журналистов регулировался законодательством СССР.

После распада СССР информационное пространство Беларуси перешло в сферу юрисдикции Республики Беларусь. Создание правового государства в Беларуси потребовало учета ментальных, когнитивных, лингвистических, прагматических особенностей при формировании институционального юридического дискурса.

Параллельно с развитием инфраструктуры судов, прокуратуры, адвокатуры, следственного комитета, органов внутренних дел шло формирование профессионального юридического дискурса, основанного на национальных особенностях и традициях белорусского народа. В содержании государственной идеологии ключевым компонентом стала историческая память о событиях Великой Отечественной войны.

Потребовались теоретические и методологические исследования особенностей функционирования и эволюции юридического дискурса в информационном и социокультурном пространстве Беларуси. Важную роль сыграли работы по теории дискурса и языка таких авторов, как Л. Ю. Буянова, М. Н. Володина, С. В. Гринев, В. Гумбольдт, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, В. М. Лейчик, Д. С. Лотте, В. А. Татаринков.

В юридическом дискурсе язык используется в реальном времени и отражает правовой тип социальной активности граждан, особенности юридических институтов и структур в конкретном социокультурном пространстве. Дискурсивная практика и научная деятельность

юристов реализуется на основе категориального аппарата, относящегося к области права. Юридический дискурс объективирует специфику профессионального юридического мышления. Его научные понятия и категории насыщены аргументами, прагматичны, информативны. Являясь общезначимыми терминами, они вариативны и интерпретируемы. Вербальной объективацией юридического дискурса выступают термины, а формой трактовки — понятийные доминанты, отражающие когнитивные структуры. Они позволяют интерпретировать тексты законов.

Юридический дискурс имеет парадигмальные характеристики правовой сферы. Право, закон, справедливость, порядок, как нормативная интерпретация реальности, лежат в основе правовой картины мира. Эти понятия функционируют в конкретном социокультурном пространстве и модифицируются в процессе его исторической динамики, отражая содержание социального опыта в сфере правоохранительной деятельности.

Белорусская терминология правоведения формируется традицией понимания закона, сложившейся в памятниках русского права, договорах с Византией и Ганзой, Магдебургском праве, Статутах Великого Княжества Литовского. В эти периоды истории были созданы уникальные юридические документы, регулировавшие все сферы общественной жизни.

Семиотико-концептуальную основу языка права составила совокупность терминов различной степени специализации. Они регламентировали вопросы гражданского, уголовного и процессуального права. В них отражались изменения, происходящие в социально-экономической и политической сферах жизнедеятельности общества. Благодаря отечественным мыслителям эпохи Возрождения в области права была актуализирована тема исторической ответственности народа за судьбы страны. Для Беларуси это была актуальная тема, поскольку страна, входившая в состав Речи Посполитой, оказалась в эпицентре военных конфликтов.

Принцип единства юридической терминологии на уровне нормативного акта позволял избегать многозначности терминов, необходимости подзаконных актов. Точность терминов

играла важную роль при выражении норм права, обозначении действий обвиняемого или подсудимого, обосновании квалификации преступления.

В системе юридического образования Российской империи, в пространство которой вошла Беларусь в XIX — начале XX в., доминировали теоретические контексты политического права. Специалисты этого периода, в частности уроженец Беларуси Л. И. Петражицкий, обратили внимание на ментальные особенности юридического дискурса, обусловленные психологией права [Петражицкий].

В советский период произошло становление национальной белорусской модификации юридического дискурса как многокомпонентной системы терминологических, когнитивных, прагматических практик. Центром юридической науки в республике стал Белорусский государственный университет. Вклад в развитие правоведения в довоенный период внесли В. И. Пичета (историческая школа), В. Н. Дурденевский (государственное право), Г. Е. Поречин и Г. С. Гурвич (советское государственное право), Б. В. Чредин (римское право), В. Д. Дружич (история государства и права), М. Б. Кроль (судебная психиатрия).

В 1929 г. на базе Института белорусской культуры была создана кафедра современного права, которую возглавил М. О. Гредингер. Проводились исследования по государственному, административному, уголовному, гражданскому, гражданско-процессуальному, земельному праву, истории и теории государства и права. Была создана учебная база юридического образования.

Дигитализация медиасферы актуализировала проблему конвергенции правового, технологического и журналистского дискурсов в правовом поле Республики Беларусь. Разработана национальная стратегия развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Она имеет институциональную основу. Ее представляют Министерство связи, Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь, Парк высоких технологий. Объектом их внимания стало киберпространство.

Системный законодательный подход в Беларуси адаптирован к динамичному развитию современных СМИ. Правовые акты

нормативно регулируют журналистскую деятельность на основе традиционных и современных технологий коммуникации. В них находят отражение задачи национальной безопасности, защиты конфиденциальности, борьбы с терроризмом, наркотрафиком, работоторговлей, киберпреступностью и фейк-технологиями в области исторической памяти.

На принципы коммерческой деятельности перешли СМИ Беларуси. Газеты и телеканалы объединяются в медиахолдинги, деятельность которых формируют критерии рентабельности и эффективности. Активно используется ресурс рекламы, сочетающей коммерческую и социальную компоненты.

В законе «О рекламе» Республики Беларусь особое внимание уделено ее социальной направленности. Дано четкое определение феномена социальной рекламы, акцентированы аспекты, касающиеся правоохранительной деятельности. В числе задач социальной рекламы выделены историческая память, профилактика правонарушений, безопасность населения, социальная защита, здоровый образ жизни, охрана окружающей среды. В более широком контексте определения понятия «профилактика правонарушений» особое место отводится профилактике наркомании, подростковых форм антиобщественного поведения, коррупционной деятельности.

Анализ наружной рекламы в пределах города Минска показывает, что тема Великой Победы занимает в ней ведущее место. Важное место отводится стендовой части информационной направленности [Стуканов]. Основной заказчик социальной рекламы в лице государства надеется на социально позитивный результат за счет ресурсов исторической памяти. В теме Великой Победы заключена позитивная роль патриотизма, дружественных отношений с Россией и государствами, входившими в состав СССР. Важная роль отводится формированию у граждан психологических установок, способствующих социальной стабильности общества, политической стабильности государства.

Информационная компонента социальной рекламы заключается в оповещении населения о рисках антиобщественной деятельности, создаваемых сетевыми практиками, паразитирующими на особенностях психологии подростков.

Так, родители информируются о наличии опасных интернет-сайтов, инструктирующих подростков по конкретным преступлениям и правонарушениям.

В деятельности правоохранительных органов социальная реклама решает также имиджевые задачи. Об этом свидетельствует наружная реклама. Посредством нее формируется представление о сотрудниках органов внутренних дел как о гарантах безопасности граждан и их личного имущества. Еще одна тема имиджа правоохранительных органов заключена в предоставлении информации потенциальным абитуриентам о значимости правоохранительной деятельности в системе государства.

Значительная часть социальной рекламы по правоохранительной тематике интегрирована с PR-технологиями, технологиями связи с общественностью. На это направление указывает наружная стендовая часть визуальных презентаций, в которых участковый находится в центре повседневной жизни граждан конкретного населенного пункта, улицы, дома. Газета «На страже» систематически публикует материалы по этим вопросам.

Социальная коммуникация в современных условиях осуществляется посредством технической сети виртуальной реальности. Она имеет знаковую основу. В результате физическая реальность дополняется символической реальностью, что приводит к созданию гиперреальности. В ней искусственно созданный знак соотносится не с физической реальностью, а с другим, искусственно созданным знаком. Человек все больше интегрируется в пространство символической реальности. Знак ссылается не на физическую реальность, а на виртуальную.

В результате коммуникативная деятельность перемещается в пространство символической реальности. Эволюция индивидуального и общественного сознания происходит на основе конкретных типов знаковых систем (семиозиса).

Исторически сознание человека развивается в конкретных типах семиотических сред — устной, письменной, печатной, электронной. Современный этап развития техники формирует практику электронной коммуникации. С изменением коммуникативной среды

меняются и формы общения людей. При экстремизации внутреннего содержания в сознание принудительно входит внешняя форма. Человек оказывается в гибридной реальности банкоматов, смартфонов, навигаторов, бортовых компьютеров.

Современная коммуникационная система приобретает автопоэтический характер, то есть свойство самоорганизации, открытый характер, способность проникать во внешние миры. В процессе развития границы системы размываются и теряют четкость когнитивного, а следовательно, и аксиологического отражения. Формирующаяся коммуникативная система детерминирована конкретной средой, поэтому субъект-объектные отношения в ней подвижны.

Поскольку техногенная коммуникация выполняет функцию координации ее участников, актуальной стала система искусственного интеллекта и естественного интеллекта. Она обозначается как сфера расширенного сознания и входит в предметное поле когнитивных наук.

В ходе взаимодействия субъект и объект существуют в состоянии взаимообмена свойствами. Свойства объекта могут зависеть от места, которое он занимает в коммуникативном пространстве, от его роли во взаимодействии и от того, как субъект представляет объект.

Аспект информационной безопасности закрепляется подчинением сетевого пространства в Беларуси принципам и нормативным актам, к которым относятся Конституция, Гражданский и Уголовный кодексы, Кодекс об административных правонарушениях, законы «О товарных знаках», «Об авторском праве и смежных правах», «О защите прав потребителей». В более конкретном предметном поле функционируют законы «О связи», «Об электронной цифровой подписи», «Об информации, информатизации и защите информации».

Глобальная универсальная доступность сетевого пространства детерминирует проблему юрисдикции правоотношений, складывающихся в процессе использования информационных коммуникативных технологий. При разработке законов о правоотношениях в киберпространстве необходимо учитывать

права и свободы человека, закрепленные в Конституции, а также рекомендации международных организаций. Это позволяет предупреждать правовые коллизии, связанные с юрисдикцией, наказуемостью деяний, налогообложением, способами защиты информации, защитой прав потребителей.

Ограничения прав человека на информацию в глобальном информационном пространстве могут быть установлены государствами только в целях, предусмотренных назначением и функциями самого государства. В осуществлении правового регулирования информационной деятельности государство должно исходить из принципов единства глобального информационного пространства и адекватности мер его регулирования. Приниматься должны только те регулятивные меры, которые необходимы для разрешения сложившихся в секторе информационно-коммуникативных технологий. Эти меры должны быть достаточными для того, чтобы разрешить проблемы и создать механизм реализации прав и законных интересов участников информационно-коммуникативных технологий [Байрамова].

С 1 января 2015 г. в Беларуси вступили в силу поправки в закон «О средствах массовой информации». Действие закона о СМИ, за исключением требований о государственной регистрации, распространяется на интернет-СМИ. Интернет-ресурсы несут ответственность за опубликованное в сети слово наравне с официальными СМИ. В законе определены условия, при которых возможно ограничение доступа к интернет-СМИ. Созданы государственные реестры распространителей продукции печатных, радиовещательных и телевизионных СМИ. До 20 % ограничена доля иностранного участия в уставном капитале СМИ.

В среде пользователей Интернета возрастает популярность сайтов-агрегаторов.

Поправки в закон о СМИ уравнили их ответственность за публикации с остальными массмедиа. При этом владельцам информационных ресурсов нет необходимости обращаться за разрешительной процедурой в Министерство информации. Им вменяется в обязанность не допускать использования своих информационных ресурсов для распространения информации, противоречащей требованиям закона о СМИ.

Министерством информации с момента вступления в силу изменений в закон «О средствах массовой информации» проводится мониторинг интернет-сайтов на предмет распространения противоправной информации [Лойко 2019]. Письменное предупреждение выносится в трехмесячный срок. Провайдер по запросу пользователя обязан блокировать тот или иной контент. Предполагается установка провайдерами сервиса фильтров, который будет предоставляться пользователю по запросу, например, для ограничения доступа детей к нежелательной информации.

В новом информационном пространстве заняла важное место патриотическая тематика, относящаяся к периоду Великой Отечественной войны. В этом велика заслуга белорусских компаний — резидентов Парка высоких технологий. В структуре гейм-индустрии они создали сегмент активных военно-патриотических игр с использованием виртуальных аналогов боевой техники периода Великой Отечественной войны. Эти игры стали частью международных соревнований по киберспорту [Лойко 2020].

Таким образом, конвергенция правовых практик с практиками журналистской деятельности в интернет-пространстве требует совместной деятельности юристов и корпоративных массмедийных структур в национальном информационном пространстве Беларуси с учетом его открытого выхода в глобальную сеть.

Список литературы

Байрамова Л. Правовое регулирование Интернета в Республике Беларусь // Белорусская цифровая библиотека LIBRARY.BY. 12 июля 2014. URL: http://library.by/portalus/modules/theoryoflaw/readme.php?subaction=showfull&id=1405160624&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 27.09.2018).

Лойко Л. Е. Изменения в культуре информационного общества // VII Международная научно-практическая конференция : Философия и культура информационного общества : тез. докл. : в 2 ч. Ч. 1. СПб. : ГУАП, 2019. С. 84–86.

Лойко А. И. Патриотическая компонента конвергенции социально-культурной деятельности и гейм-индустрия в Беларуси // Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив. Казань : Бриг, 2020. С. 408–411.

Медиапространство Беларуси: история и современность. Минск : Издательский центр БГУ, 2017.

Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности: эмоциональная психология. М. : Либроком, 2010.

Стуканов В. Г. Наружная социальная реклама как средство правового воспитания // Вести БГПУ. Сер. 1 : Педагогика. Психология. Филология. 2016. № 1. С. 13–19.

References

Bayramova, L. (2014). Pravovoe regulirovanie internet v Respublike Belarus [Legal regulation of the Internet in the Republic of Belarus]. *Belorusskaj cifrovaj LIBRARY.BY*, 12 iyulj 2014. URL: http://library.by/portalus/modules/theoryoflaw/readme.php?subaction=showfull&id=1405160624&archive=&start_from=&ucat=& (mode of access: 27.09.2018).

Dubovik, S. V. (ed.). (2017). *Mediaprostranstvo Belarusi: istoria I sovremennošty* [Media space of Belarus: history and modernity]. Minsk: BSU Publishing Center.

Loiko, A. I. (2020). Patrioticheskaja komponenta konvergencii socialno-culturnoj dejatelnošty I gejm-indystryja v Belarusi [The patriotic component of the convergence of socio-cultural activities and the game industry in Belarus]. In *Socio-cultural activities: vectors of research and practical prospects*, 408–411. Kazan: Brig.

Loiko, L. E. (2019). Izmenenij v culture informacionnogo obščestva [Changes in the culture of the information society]. In *VII megdun. nauch.-prakt. konf.: Filosofij i cultura informacionnogo obščestva*. V 2 ch. Ch. 1, 84–86. SPb: GYAP.

Petrazhitskiy, L. I. (2010). Vvedenie v izyčenie prava I nraštvennošty: emocionalnaja psihologija [Introduction to the study of law and morality: emotional psychology]. M.: Librokom.

Stukanov, V. G. (2016). Narygnaja socialnaja reklama kak sredstvo pravovogo vospitanija [Outdoor social advertising as a means of legal education]. *Vešti BGPY. Seria 1. Pedagogika. Psihologija. Filologija*, 1, 13–19.

Сведения об авторе

Лойко Лариса Егоровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и идеологической работы Академии МВД Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь

Information about the author

Larisa E. Loiko, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Philosophy and Ideological Work Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

DOI 10.15826/tetm.2021.1.003

УДК 94:159.953 + 004.77 + 316.77 + 94(100)“1939/45” + 070:004.738.5(450)

**Даниил Александрович Аникин
Симона Андреевна Андрисенко**

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: dandee@list.ru

Политика памяти о начале Второй мировой войны: особенности медиаконтента в современной Италии

В статье анализируется отражение в современных итальянских массмедиа информационной повестки, посвященной 80-летней годовщине начала Второй мировой войны. На основании изучения запросов в поисковой системе Google были выявлены публикации, посвященные этому событию, а также проведен анализ политических репрезентаций. Важным условием для интерпретации медиаконтента является понимание того, что итальянская политика памяти на протяжении нескольких десятилетий отказывалась от осмысления фашистского прошлого, формируя миф о «честных солдатах, просто исполнявших свой долг». В контексте современной общеевропейской политики памяти Италия, с одной стороны, стремится следовать общим трендам (память о Холокосте), с другой — пытается исключить свое прошлое из дискурса признания вины. В газетных публикациях, посвященных годовщине начала войны, можно выделить следующие тренды: подчеркивание важности уроков войны для будущего, стремление исключить Италию из числа зачинщиков войны, подчеркивание недостаточного участия Великобритании и Франции в процессе предотвращения Второй мировой войны.

Ключевые слова: политика памяти, регион, Вторая мировая война, практики, массмедиа, международные отношения, репрезентация

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31153опн.

Для цитирования: Аникин Д. А., Андрисенко С. А. Политика памяти о начале Второй мировой войны: особенности медиаконтента в современной Италии // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2. № 1. С. 18–25.

Поступила в редакцию: 15.03.2021

Принята к печати: 30.03.2021

Daniil A. Anikin, Simona A. Andrisenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The Policy of Remembrance of the Beginning of World War II: Features of Media Content in Modern Italy

The article analyzes the reflection in modern Italian mass media of the information agenda dedicated to the 80th anniversary of the outbreak of World War II. Based on the study of queries in the Google search engine, publications on this event were identified, as well as an analysis of political representations. An important condition for interpreting media content is the understanding that Italian memory policy for several decades refused to comprehend the fascist past, forming the myth of “honest soldiers who simply fulfilled their duty.” In the context of modern pan-European memory policy, Italy, on the one hand, seeks to follow common trends (Holocaust memory), on the other hand, tries to exclude its past from the discourse of confession of guilt. In newspaper publications dedicated to the anniversary of the outbreak of war, the following trends can be distinguished: emphasizing the importance of war lessons for the future, striving to exclude Italy from the list of instigators of war, emphasizing the insufficient participation of Great Britain and France in the process of preventing World War II.

Key words: memory policy, region, World War II, practices, mass media, international relations, representation

For citation: Anikin, D. A., Andrisenko, S. A. (2021). Politika pamyati o nachale Vtoroi mirovoi voyny: osobennosti media-kontenta v sovremennoi Italii [The Policy of Remembrance of the Beginning of World War II: Features of Media Content in Modern Italy]. *Tempus et Memoria*, 2, 1, 18–25.

Submitted: 15.03.2021

Accepted: 30.03.2021

Годовщины исторических событий становятся триггером для инициирования процессов коммеморации, среди которых важное место занимает освещение прошлого в массмедиа. Медиаконтент — один из основных механизмов формирования исторической памяти. Как отмечает О. Ю. Малинова, «появление технологий сохранения и передачи видеoinформации — фотографии, кинематографа, телевидения — позволило “визуализировать” историю, помогая зрителям ощутить себя виртуальными участниками событий» [Малинова, б]. Но важно понимать, что сами массмедиа, являясь важным фактором формирования мемориальной повестки, чаще всего служат инструментом в руках определенных мнемонических акторов, которые встраивают отдельные образы прошлого в актуальную политическую повестку. В этом смысле обращение к прошлому, особенно к потенциально травматическому прошлому, представляет собой обоюдострый процесс, в ходе которого может быть реализован моральный императив переосмысления истории, а также продуцирован процесс

создания или воспроизводства устоявшихся мифов. Именно в этом одна из современных исследовательниц медиаконтекста коллективной памяти А. Эрл видит ключевую угрозу активной репрезентации прошлого в средствах массовой информации [Erl, 5].

В большинстве стран, участвовавших и пострадавших во Второй мировой войне, на сегодняшний день мощно актуализирована память о тех событиях; апелляция к исторической памяти о них становится одним из ключевых элементов в формировании национальной или наднациональной идентичности. Если говорить об общеевропейском дискурсе, то важнейшей темой в политике памяти начала 2000-х гг. был Холокост, а ее основной задачей, как пишет исследователь Д. В. Ефременко, стала «проработка трагического опыта Второй мировой войны и преступлений нацистского режима и формирование на этой основе консолидирующего исторического нарратива» [Ефременко, 116].

Восьмидесятилетняя годовщина начала Второй мировой войны стала поводом для

активизации очередных «войн памяти» вокруг этого события. Оставляя в стороне очевидную заинтересованность ряда восточноевропейских государств в продвижении собственной мемориальной повестки и переоценке роли отдельных политических акторов в ходе развязывания мировой войны, стоит обратить внимание на специфическую ситуацию, в которой оказываются страны, непосредственно принимавшие участие в данной войне, причем на стороне Германии. Разумеется, речь идет о том, как эти страны в условиях современных императивов общеевропейской политики памяти (прежде всего это память о Холокосте) обозначают свою принадлежность к данным событиям.

В рамках настоящей статьи основной целью исследования станет анализ медиаконтента, посвященного годовщине начала Второй мировой войны, в современных итальянских СМИ. Италия слабо присутствует в медиарепрезентациях, связанных с началом Второй мировой войны. Более того, в коллективной памяти других народов ее в меньшей степени отождествляют с колыбелью фашизма, страной-сподвижницей Гитлера. И если историческая память о нацистской Германии существует в большинстве государств до сих пор, к образам нацистов могут апеллировать пресса и политические акторы, то о современной Италии, как наследнице фашистского режима, почти не вспоминают. При этом для самой Италии вопрос о наследии фашистского режима является крайне неоднозначным, поскольку на протяжении длительного времени внутренняя мемориальная повестка была сосредоточена не на травматизации прошлого, а скорее на его оправдании посредством позитивных сравнений с германским нацизмом.

В частности, вопросы расовой политики фашистов до начала войны (расовые законы 1938 г.) и высылки итальянских евреев в концлагеря уже в годы войны долгое время не поднимались не только в публичном пространстве, но даже редко изучались специалистами. У Италии, по сути главной союзницы гитлеровского режима, вообще особое отношение к событиям Второй мировой войны. В отличие от современной Германии, где политика нацизма была подвергнута критике и долгое время переосмыслилась на национальном уровне с помощью СМИ, политического дискурса, публицистики

интеллектуалов, в Италии внимание на преступлениях фашизма было публично акцентировано немного меньше.

Итальянская память о Второй мировой войне сформирована под влиянием событий последних двух лет войны. После того как в июле 1943 г. фашистский режим пал, а осенью Италия заключила перемирие с союзниками и перешла на их сторону, в стране началась гражданская война, которая закончилась победой антифашистов. Итальянский историк К. Фогу указывает, что из-за этого противостояния части итальянского населения фашистам и нацистам в последние годы войны был сконструирован миф о том, что итальянцы сами освободили себя от фашизма [Fogu, 149]. А войны, с помощью которых Италия надеялась реализовать свои колониальные амбиции, считались уже не такими значительными событиями и оставались только на совести фашистских лидеров, не имевших отношения к послевоенной демократической стране. Сопrotивление фашизму и нацизму в ходе гражданской войны стало центральным событием для формирования идентичности и памяти обновленного государства.

Итальянский исследователь памяти Г. Бартолини пишет, что в 1952 г., когда в стране был принят закон о запрете апологии фашизма, в коллективной памяти годы диктатуры уже не были актуализированы [Bartolini, 17]. В 1960-е и 1970-е гг. доминировали антифашистские идеалы. Бартолини отмечает, что борьба с фашизмом стала позиционироваться как истинная сущность итальянцев, порвавших с диктаторским режимом, и Сопrotивление стало центральным элементом в исторической памяти итальянцев о войне [Ibid., 18–19]. Однако с середины 1980-х гг. эти идеалы стали ослабевать. Оставалось все меньше видных деятелей Сопrotивления, а новое поколение политиков, среди которых были С. Берлускони, У. Босси, Д. Фини, уже не чувствовали на себе такого влияния войны и фашизма. Отсутствие критики привело к тому, что в среде экспертов стали возникать ревизионистские настроения. Самый яркий пример — работы историка Ренцо Де Феличе, который рассматривал фашизм как режим авторитарный, патерналистский и не равный нацистскому. При такой трактовке режим Муссолини освобождался

от ответственности за соучастие в преступлениях нацизма и представлялся умеренной диктатурой.

В. П. Любин и Н. Г. Терехова считают, что сегодня в Италии повысился интерес к проблематике преступления фашистского режима. «Он формируется профессиональными историками, профессорами университетов, сотрудниками архивов. Старательно созданный дипломатией и пропагандой миф о “добрых итальянских военных” постепенно и настойчиво развенчивается» [Любин, Терехова, 31]. В 2014 г. профессор современной истории Ф. Фокарди опубликовал работу «Плохие немцы и хорошие итальянцы. Замалчивание вины за Вторую мировую войну», в которой объяснил, как была смоделирована историческая память о войне в его родной стране. Сейчас в Италии закреплено представление, согласно которому вся ответственность за войну и совершенные преступления ложится на немцев. Фокарди же показал, что Италия в годы войны вовсе не была подконтрольна Германии и действовала в своих геополитических интересах [Focardi, 288]. В данной работе исследователь, по сути, не рассказал ничего такого, о чем историки не знали до него: как Италия оккупировала южную Францию, часть Греции и Югославии, как вела колониальные войны в Африке и участвовала в нападении на СССР. Он лишь обратил внимание на факты, которые долгое время не акцентировались в публичном пространстве, а поэтому и не были зафиксированы в коллективной памяти.

Подводя промежуточные итоги, можно отметить, что историческая память итальянцев о событиях Второй мировой войны сформировалась на двух концептах — героического антифашистского Сопротивления, которое и являет истинную природу итальянского народа, и подчеркивании вынужденного участия в войне на стороне гитлеровской Германии.

Чтобы понять, изменилось ли отношение к событиям военного времени, мы провели контент-анализ медиатекстов, связанных с 80-летней годовщиной начала Второй мировой войны. На первом этапе работы мы проводили количественный анализ в поисковой системе Google (самая популярная поисковая система в стране, 59 % от общего числа пользователей Интернета) в итальянском сегменте по тегам:

l'inizio della Seconda Guerra Mondiale, anniversario della seconda guerra mondiale и *1 settembre 1939*. Учитывалось количество запросов и количество актуальных материалов. На втором этапе мы проводили качественный анализ: от общего количества найденных материалов отделялись статьи из энциклопедий, сайтов университетов и блогов, опубликованные к годовщине исследуемого события. В работе были проанализированы только материалы из официально зарегистрированных СМИ — 10 текстов, почти все они были опубликованы именно 1 сентября 2019 г. Данные материалы можно разделить на два тематических блока: первый посвящен прошлому, второй — современности.

Материалы из первого блока рассказывают о том, что происходило 1 сентября 1939 г.: вторжение немецких войск в Польшу, реакция международного сообщества, события, предшествовавшие началу войны, и ее итоги. В одном из главных итальянских СМИ, *Corriere della Sera* (центристское издание, входящее в RCS MediaGroup), к годовщине вышел материал «Вторжение в Польшу 80 лет назад Гитлер совершил бы даже без согласия Сталина» («L'invasione della Polonia 80 anni fa “Hitler l'avrebbe fatto anche senza l'accordo con Stalin”»). Материал подготовлен в формате интервью с немецким историком Лутцем Клинхаммером [Carioti]. Первое, о чем говорится в материале, — пакт Молотова–Риббентропа. Клинхаммер — специалист по истории немецкой оккупации, написал несколько работ по военной истории. В них, как и в тексте *Corriere*, он доказывает, что Гитлер хотел войны в любом случае, что идею о завоевании территорий на востоке в качестве жизненно необходимого пространства для своей страны он изложил еще в книге «Mein Kampf» (первая публикация в 1925 г.). В тот же момент он не снимает ответственности с СССР за его военные действия в отношении Польши и за то, что он облегчил Гитлеру проведение его кампании: «Фюрер прикрыл спину договором о ненападении с СССР, именуемым пактом Молотова–Риббентропа (названным в честь министров иностранных дел), который был заключен 23 августа 1939 г. и зажал Польшу в тиски» [Ibid.]. А вот политику европейских держав Клинхаммер подвергает осуждению и припоминает, что Англия и Франция поздно отреагировали на агрессивные действия

Гитлера и позволили ему аннексировать Австрию и разделить Чехословакию. Данный материал посвящен исключительно анализу предшествовавших войне событий, о ее итогах и жертвах не говорится. Однако эксперт совсем не упоминает о роли Италии в данных событиях и реакции ее правительства на эти события.

На сайте газеты *Il Primato Nazionale*, близкой по политическим позициям к правому движению CasaRound, вышла статья с довольно интересной и резкой трактовкой исторических событий — «Второй мировой войне исполняется 80 лет. Но пропаганда победителей, похоже, написана вчера» («La seconda guerra mondiale compie 80 anni. Ma la propaganda dei vincitori sembra scritta ieri») [Benedetti]. Причем анализ автор начинает не с событий 1 сентября, а с событий 17 сентября, когда «в рамках пакта Молотова–Риббентропа между Советским Союзом и Германией (чей секретный протокол предусматривал раздел Польши) Россия атакует поляков с востока» [Ibid.]. Журналист ставит перед читателями вопрос: «Почему же тогда Великобритания и Франция не объявляют войну СССР, как они сделали это в отношении Германии ранее?» По мнению автора, англичане и французы не заботились о судьбе польского народа, а «единственным мотивом, побудившим их вести войну с немцами, был страх, что Германия, укрепив свои позиции, может поставить под сомнение англо-французскую гегемонию в Европе» [Ibid.]. А значит, война с Советским Союзом им не была выгодна. В материале также рассматриваются несколько версий западных историков о начале Второй мировой войны, которые сводятся к тому, что это в любом случае не было организовано только усилиями одного политика. «Вторая мировая война не была борьбой между добром и злом», — заключает автор [Ibid.]. Этот конфликт действительно имел мощный идеологический заряд, но по сути эта была нормальная, веками происходившая по всему миру война с точки зрения ее причин и мотивов: стремление к политической гегемонии, геополитическому влиянию и военному превосходству. Несмотря на резкость высказываний, в материале также нет указания на одного виновного в развязывании войны, этот стереотип, наоборот, разрушается.

Тексты второго блока больше акцентируют внимание на памяти о войне, отношении к ней современников. Например, на сайте Ватикана опубликована статья «80 лет назад началась Вторая мировая война. Епископы: работать для объединения Европы» («80 anni fa lo scoppio della Seconda Guerra Mondiale. I vescovi: lavorare per un'Europa più unita») [Seppia, Urbani]. В начале материала авторы выделяют одного виновного («национал-социалистическая Германия начала Вторую мировую войну, которая стала огромной трагедией для мира и всего человечества») и одну жертву («мы помним 6 миллионов поляков, из которых 3 миллиона еврейского происхождения, жертвы нацистских преступлений») [Ibid.]. Но авторы вспоминают и немецких священников, которые не поддерживали проводимую в стране политику, а, наоборот, помогали жертвам репрессий. Поэтому спустя столько лет нужно смотреть на настоящее и будущее, стараясь действовать в направлении примирения: «Мы все должны искренне участвовать в процессе примирения между нашими народами. Сегодня мы должны укреплять и углублять единство Европы, несмотря на исторические различия отдельных наций и отдельных государств» [Ibid.].

С посылом помнить уроки прошлого выступают и в региональных изданиях. На сайте местной тосканской газеты *Toscana oggi* появилась колонка «80 лет Второй мировой войне: враг — это по-прежнему тоталитаризм» («80 anni dalla Seconda guerra mondiale: il nemico è ancora il totalitarismo») [80 anni dalla...]. Автор делает акцент на том, что умирают свидетели войны: с каждым годом остается все меньше участников военных действий, меньше тех, кто в детстве или юности пережил это трагедию. В тексте поднимается важная тема: уходят свидетели тех событий, обрывается коммуникативная память, трагическое прошлое все дальше от современного поколения, а значит, им все труднее понять и прочувствовать то, что случилось. В тексте вспоминается и Первая мировая война, и холодная война, и современные конфликты, — все они доказывают, что одного трагического опыта недостаточно даже на поколение, поэтому «необходимо понимать и реконструировать события, а также извлекать из них предупреждения, указания и смысл» [Ibid.].

Во время поиска материалов по теме мы заметили, что в СМИ мало текстов, в которых упоминалась бы роль фашистской Италии в исследуемых исторических событиях. В крупных изданиях таких текстов нет совсем. Но нам удалось найти интересные примеры на небольших региональных и тематических сайтах. В молодом онлайн-издании северной области Трентино-Альто-Адидже *Il Dolomiti* опубликована статья «Вторая мировая война началась восемьдесят лет назад. Вторжение в Польшу как вершина процесса, который начался десятилетиями ранее» («Ottant'anni fa cominciava la Seconda guerra mondiale. L'invasione della Polonia come apice di un processo già iniziato decenni prima») [Leveghi]. Статья начинается с нескольких вопросов: «Но было ли 1 сентября 1939 г. началом конца? Или это было просто логическое следствие уже идущего процесса?». Автор доказывает, что война началась не одновременно, что к ее началу весь мир шел уже давно: война в Испании, аннексия Австрии, раздел Чехословакии, все это — «снежный ком, который катится и катится, превращается в лавину». По мнению автора, невозможно выделить какое-то исключительное событие, которое стало триггером для начала военного конфликта. В этом же материале упоминается и пакт Молотова–Риббентропа, однако он не назван причиной начала войны. Вина СССР в данном случае сохраняется только перед польской нацией, «чья юная жизнь снова была прервана двумя неудобными и историческими соседями» [Ibid.]. Также вина возлагается на европейские демократии из-за их эгоизма и слабости в противостоянии фашизму. Автор подчеркивает, что в сентябре 1939 г. Италия была поставлена перед фактом, что Гитлер не советовался с Муссолини о своих действиях. Однако он не забывает напомнить аудитории о других актах военной агрессии, совершенных Италией (например, вторжение в Эфиопию), а также о союзе с гитлеровской Германией в мае 1939 г. Все эти действия отнюдь не способствовали урегулированию обстановки на континенте, а только увеличивали градус напряжения.

А вот антифашистская онлайн-газета *Patria indipendente* в годовщину начала Второй мировой войны выпустила редакционную заметку [Danzica...]. Она привлекла наше

внимание, потому что в ней ответственность за трагические итоги войны ложится не только на Гитлера, но и, что неожиданно в контексте большинства материалов, на Муссолини: «По желанию Гитлера и Муссолини началась Вторая мировая война, это стоило смерти 60 миллионам человек, бомбежек, резни, разрушений, зверств и ужасов лагерей смерти» [Danzica...]. Нет объяснения, почему Муссолини виновен в той же степени, что и Гитлер. Под этим могут подразумеваться влияние, которое образ итальянского лидера оказал на Гитлера, или поддержка кампании и планов Гитлера, или же конкретные военные действия, которые проводила Италия. Данный текст примечателен тем, что в нем хотя бы не забывают об участии Италии в определенных событиях и, если и не дают развернутых объяснений, не исключают ее из исторического контекста.

В исследуемых материалах нет тенденции приписывать одному определенному актору ответственность за начало войны, то есть наблюдается диссонанс с позицией ЕС (например, подобная позиция не сходится с принятием примерно в одно время с годовщиной войны резолюции Европарламента от 19 сентября 2019 г.). Конфликт между Германией и СССР, что парадоксально, отходит на задний план, из чего не следует отрицание участия этих стран в развязывании мировой войны, скорее их роль представляется достаточно очевидной, но не затрагивающей интересы нынешней Италии. Гораздо интереснее оказывается настойчивое стремление в правой прессе выдвинуть определенные претензии Великобритании и Франции за недостаточность усилий по предотвращению войны. Причем в ход идут и упоминание Мюнхенского сговора, и критика указанных держав за политический эгоизм, и нежелание жертвовать собственными интересами ради обеспечения общеевропейской безопасности.

Итальянские СМИ, критикуя политику Англии и Франции, анализируя действия Советского Союза, объясняя тактику Гитлера, совсем упускают анализ и оценку действий итальянского правительства. Журналисты проявляют минимальный интерес к действиям Муссолини и его сподвижников. Максимум актуализации действий фашистского правительства в памяти народа через статьи — упоминание

о том, что определенный факт имел место быть (например, Италия отказалась вступить в войну 1 сентября и т. д.). Практически отсутствуют экспертные комментарии по поводу предпринятых действий, не указан ситуативный контекст (например, военные действия, которые вела Италия в Африке, или оккупация Албании). Из всех итальянских политических деятелей военного периода упоминается только Муссолини, при этом нет никакой дополнительной характеристики его образа. В материалах итальянских массмедиа нет ни оправдательной, ни обвинительной риторики; фашистский период в истории Италии, его трагедии, проблемы, последствия не актуализированы. В современной Италии массмедиа не стремятся формировать у современников представление о том, что период фашизма был трагичным этапом в жизни страны, повлекшим за собой много ошибок, а преподносят его как исторический факт, не имеющий ярко выраженной оценки.

Таким образом, можно констатировать, что обращение к годовщине начала Второй мировой войны в итальянском медиаконтенте свидетельствует о стремлении поместить это событие в актуальный геополитический контекст, продиктованный нарастающими конфликтами в европейском пространстве. Рост «евроскептицизма» и всплеск популярности «новых правых» заставляет существенно трансформировать дискурс национальной вины при сохранении общего тренда на сохранение памяти о войне. Специфика итальянской политики памяти заключается в стремлении выстроить этически нейтральную позицию по поводу собственного участия в войне, а кроме того, экстраполировать предвоенную ситуацию на современные европейские разногласия, связанные с миграционными и экономическими вопросами, обосновывая тем самым необходимость более активного включения ведущих европейских акторов в решение насущных вопросов.

Список литературы

- Ефременко Д. В. Историческая память и наднациональная идентичность: Случай Европейского союза // Методологические вопросы изучения политики памяти / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. С. 116–140.
- Любин В. П., Терехова Н. Г. Дуче, фашизм и политика памяти в Италии // Историческая экспертиза. 2018. № 4. С. 30–51.
- Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика. 2017. № 4. С. 6–16.
- Bartolini G. The Italian Memory of the Invasion of the Soviet Union in World War II // Историческая экспертиза. 2018. № 4. С. 14–29.
- Benedetti V. La seconda guerra mondiale compie 80 anni. Ma la propaganda dei vincitori sembra scritta ieri // Il Primato Nazionale. 2019. 1 Sept.
- Carioti A. L'invasione della Polonia 80 anni fa "Hitler l'avrebbe fatto anche senza l'accordo con Stalin" // Corriere della sera. 2019. 1 Sept.
- Danzica, 1° settembre 1939 // Patria indipendente. 2019. 1 Sept.
- Erl A. Travelling Memory // Parallax. 2011. Vol. 17, № 4. P. 4–18.
- Focardi F. Il cattivo tedesco e il bravo italiano. La rimozione delle colpe della seconda guerra mondiale // Roma-Bari. Laterza, 2013. 306 p.
- Fogu C. Italiani brava gente: The Legacy of Fascist Historical Culture on Italian Politics of Memory // The Politics of Memory in Postwar Europe. London : Duke University Press, 2006. 244 p.
- Leveghi D. Ottant'anni fa cominciava la Seconda guerra mondiale. L'invasione della Polonia come apice di un processo già iniziato decenni prima // Il Dolomiti. 2019. 1 Sept.
- Seppia C., Urbani L. 80 anni fa lo scoppio della Seconda Guerra Mondiale. I vescovi: lavorare per un'Europa più unita // Vatican news. 2019. 1 Sept.
- 80 anni dalla Seconda guerra mondiale: il nemico è ancora il totalitarismo // Toscana oggi. 2019. 1 Sept.

References

- Bartolini, G. (2018). The Italian Memory of the Invasion of the Soviet Union in World War II. *Istoricheskaya ekspertiza*, 4, 14–29.
- Benedetti, V. (2019, September 1). La seconda guerra mondiale compie 80 anni. Ma la propaganda dei vincitori sembra scritta ieri. *Il Primato Nazionale*.

- Carioti, A. (2019, September 1). L'invasione della Polonia 80 anni fa «Hitler l'avrebbe fatto anche senza l'accordo con Stalin». *Corriere della sera*.
- Danzica, 1° settembre 1939 (2019, September 1). *Patria indipendente*.
- Efremenko, D. V. (2018). Istoricheskaya pamyat' i nadnacional'naya identichnost'. Sluchaj Evropejskogo soyuza [Historical memory and supranational identity. Case of the European Union]. In *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* / Ed. A. I. Miller, D. V. Efremenko, 116–140. M.; St. Petersburg: Nestor-History.
- Erl, A. (2011). Travelling Memory. *Parallax*, 17, 4, 4–18.
- Focardi, F. (2013). *Il cattivo tedesco e il bravo italiano. La rimozione delle colpe della seconda guerra mondiale*. Roma-Bari: Laterza.
- Fogu, C. (2006). Italiani brava gente: The Legacy of Fascist Historical Culture on Italian Politics of Memory. In *The Politics of Memory in Postwar Europe*, 147–176. London: Duke University Press.
- Leveghi, D. (2019, September 1). Ottant'anni fa cominciava la Seconda guerra mondiale. L'invasione della Polonia come apice di un processo già iniziato decenni prima. *Il Dolomiti*.
- Lyubin, V. P., Terekhova, N. G. (2018). Duche, fashizm i politika pamyati v Italii [Duce, fascism and memory politics in Italy]. *Istoricheskaya ekspertiza*, 4, 30–51.
- Malinova, O. Y. (2017). Kommemoraciya istoricheskikh sobytij kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of historical events as an instrument of symbolic politics: the possibilities of comparative analysis]. *Politiya*, 4, 6–16.
- Seppia, C., Urbani, L. (2019, September 1). 80 anni fa lo scoppio della Seconda Guerra Mondiale. I vescovi: lavorare per un'Europa più unita. *Vatican news*.
- 80 anni dalla Seconda guerra mondiale: il nemico è ancora il totalitarismo (2019, September 1). *Toscana oggi*.

Сведения об авторах

Аникин Даниил Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Андрисенко Симона Андреевна, магистрант факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Information about the authors

Daniil A. Anikin, Cand. Sci. (Philosophy), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Simona A. Andrisenko, magister, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

DOI 10.15826/tetm.2021.1.004

УДК 94:159.953 + 004.77 + 82-94:159.953 + 81'373.46 + 929 Петр(470)*1

Денис Сергеевич Артамонов*Саратовский государственный университет, Саратов, Россия*

E-mail: artamonovds@mail.ru

Медиапамять в культуре фанфикшн: образ Петра I в сетевой литературе

Статья посвящается рассмотрению образа Петра I в сетевой литературе. Автор использует понятие «медиапамять» для описания феномена существования коллективных представлений о прошлом в медиасреде. Культура фанфикшн рассматривается как одна из практик конструирования медиапамяти. Анализ художественных любительских текстов на краудсорсинговой платформе «Книга фанфиков» (ficbook.net) выявил способы выстраивания интернет-пользователями своего отношения к истории. Рассмотрение исторических текстов о Петровской эпохе показало, что пользовательские представления о Петре I крайне мифологизированы, основаны на стереотипах, которые преодолеваются свободной интерпретацией и актуализацией фактов прошлого при помощи образов современной массовой культуры.

Ключевые слова: медиапамять, фанфикшн, фанфик, сетевая литература, историческая память, культурная память, memory studies, Петр I

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42063 «Петр I в исторической памяти современной России: репрезентация образа в медиасреде».

Для цитирования: Артамонов Д. С. Медиапамять в культуре фанфикшн: образ Петра I в сетевой литературе // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2. № 1. С. 26–33.

*Поступила в редакцию: 15.03.2021**Принята к печати: 30.03.2021***Denis S. Artamonov***Saratov State University, Saratov, Russia*

Media Memory in the Fanfiction Culture: the Image of Peter the Great in Online Literature

The article is devoted to the consideration of the image of Peter I in the online literature. The author uses the concept of media memory to describe the phenomenon of the existence of collective ideas about the past in the media environment. He considers the culture of fanfiction as one of the practices of constructing media memory. Analysis of amateur art texts on the crowdsourcing platform “Book of Fan Fiction” (ficbook.net) revealed the ways in which Internet users build their attitude to history. The review of historical texts about the Peter the Great era showed that the user’s ideas about Peter the Great are extremely mythologized, based on stereotypes

that are overcome by the free interpretation and actualization of the facts of the past, with the help of images of modern mass culture.

Key words: media memory, fanfiction, fanfiction, network literature, historical memory, cultural memory, memory studies, Peter the Great

For citation: Artamonov, D. S. (2021). Mediapamyat' v kul'ture fanfikshn: obraz Petra I v setevoi literature [Media Memory in the Fanfiction Culture: the Image of Peter the Great in Online Literature]. *Tempus et Memoria*, 2, 1, 26–33.

Submitted: 15.03.2021

Accepted: 30.03.2021

Исследование различных форм коллективной памяти берет свое начало с работ М. Хальбвакса, описывающих конструирование представлений о прошлом как социальный процесс [Хальбвакс]. В дальнейшем Я. Ассман [Ассман] и Ю. М. Лотман [Лотман] стали рассматривать культуру как действенный механизм воспроизводства образов прошлого. Культурная память изучается в рамках исследовательского направления *memory studies*, внутри которого сформировались различные подходы к пониманию и описанию феномена существования коллективных представлений о прошлом. Концепции мест памяти, политики памяти, коммуникативной памяти, исторической памяти, публичной памяти и т. д., дополняя друг друга, описывают данный феномен как коммуникативную практику. Таким образом, память о прошлом формируется в процессе коммуникации между индивидами и массами в культурном пространстве.

Культурное пространство цифровой эпохи все больше смещается в сторону медиа. Современные исследователи культурной памяти Эндрю Хоскинс, Анна Ридинг и Джоан Гарден-Хансен, концентрируя свое внимание на возможностях медиа конструировать образы прошлого, показывают определяющую роль цифровых технологий в данном процессе [Мороз, 403–406]. Цифровой поворот в гуманитарной науке продемонстрировал, что в производстве информации всегда участвуют три типа акторов: индивиды-профессионалы, массы, объединенные в социальные сети и институты, а также технологии, являющиеся одновременно и способом получения, и источником знания. Конструирование представлений о прошлом в цифровом мире предполагает участие всех указанных акторов, действующих

в рамках эпистемических арен в пространстве медиа. Эпистемические арены являются аналогом «риторических» арен, виртуальных площадок, формирующихся на пересечении различных коммуникационных каналов, где заинтересованные стороны обмениваются информацией [Rodin, Ghersetti, Odén, 237–246]. Историческая информация, вырабатываемая на этих площадках, носит характер неформального знания [Тихонова, 118–122]. История перестает противостоять исторической памяти, так как между ними стирается зыбкая грань, проводимая научными исследованиями, которые противопоставляют элитарное и массовое знание, индивидуальные представления и коллективные, научные и мифологизированные образы прошлого [Wolff, 66].

Так как представления об истории в современную цифровую эпоху конструируются в пространстве медиа и посредством цифровых медиатехнологий, то можно говорить о медиапамяти как о феномене коллективного сознания. Медиапамять — механизм создания, хранения и репрезентации образов прошлого в цифровой медиасреде. Историческая информация создается и распространяется при помощи гиперссылок, которые представляют собой технологию, построенную на принципах мифологического ассоциативного мышления, когда новое знание содержит в себе отсылку к первоисточнику и получается при помощи бесконечного копирования с постоянными вариациями. Медиа включают в себя как традиционные практики конструирования памяти о прошлом (сохранение традиций, ритуалы, семейные воспоминания, коммеморация мест памяти, научная историография, историческая политика, историческая беллетристика и т. д.), так и инновационные, характерные для

цифровой среды (сторителлинг — создание исторических рассказов в коммуникативных целях; хисторихакинг — производство или модификация компьютерной игры с историческим сеттингом; меминг — создание и распространение исторических интернет-мемов; войны памяти — проведение политики памяти при помощи средств массовой информации; википедирование — написание исторических статей в свободной энциклопедии Википедия; фанфикшн — историческая сетевая литература и др.).

Фанфикшн представляет собой явление массовой и сетевой литературы, в рамках которого создаются художественные тексты — фанфики, написанные фанатами определенного литературного или кинематографического произведения для самих себя и других фанатов [Прасолова, 3]. Данный феномен связан с возникновением и развитием просьюмеризма, «производства для себя», при котором индивид принимает активное участие в процессе производства товаров и услуг, потребляемых им самим. Фикрайтер, создающий фанфики, пишет их для своего собственного удовольствия и развлечения, но при помощи цифровых технологий и специально созданных площадок он имеет возможность презентовать результаты своего труда широкой аудитории. Наиболее известные интернет-платформы, созданные для публикации подобных произведений (www.fanfiction.net, ficbook.net и др.), построены на принципах краудсорсинга; разместить контент может каждый пользователь в любых объемах и любого качества, а система рейтингов и оценок, производимых самими пользователями, позволяет определить наиболее популярные произведения.

Культура фанфикшн предполагает свободное самоконструирование и функционирование интернет-сообществ, называемых фандомами и объединяющих поклонников определенного произведения литературы, кинематографа, компьютерной игры, вымышленной вселенной, художественного стиля или хобби. Художественные произведения, создаваемые в этих виртуальных объединениях, представляют собой производные от оригинального канона тексты (фаноны), которые в большей или меньшей степени отражают концепцию канонического мира [Федорова, 277].

Фанфикшн — явление не столько литературного, сколько социокультурного порядка, контекст которого в XXI в. формируется непрерывно воссоздаваемыми потоками сетевой культуры. Интернет-пользователи при помощи цифровых технологий творчески преобразуют действительность, модифицируя современные реалии в собственных произведениях, выстраиваемых по образцу популярных оригиналов, которые превращаются в коммерческий продукт, рекламируются, продвигаются как успешный бренд, визуализируются и о веществеваются (например, издание книг или сувенирной продукции).

Виртуальные объединения поклонников популярного художественного произведения строятся по принципу социальной сети, в которой креативность коммуникаторов стимулируется вновь создаваемыми текстами. Повествование рождается в процессе коммуникации и является по своим ключевым параметрам трансмедийным, а также характеризуется вариативностью презентации в разных форматах на разных платформах сети Интернет. В этих условиях основной характеристикой фанфиков становятся интертекстуальность и гипертекстуальность. Фанфики содержат в себе элементы игры и трансгрессии в реальность, что соотносится с базовыми потребностями сетевой аудитории. Создатель фанфика может по своему усмотрению изменять сюжет и характер героев исходного произведения, максимально продлевать повествование, созданное на его основе, а также связывать между собой несколько произведений. Таким образом, читатель и зритель получают своего рода власть над любимым произведением [Клюйкова, Четина, 95]. Такая свобода вариаций и игровое начало по отношению к первоисточнику позволяют авторам генерировать новые идеи, интегрируя собственный опыт с опытом аудитории, интерпретируя его через актуальные темы.

Тематика фанфиков может быть самая разная и не ограничивается только мотивами произведений популярной культуры; например, классические тексты школьной программы также входят в сферу внимания фикрайтеров. Исторические темы составляют значительную долю в текстах фандомного творчества, на сайте «Книга фанфиков» (ficbook.net) фандомы «Исторические персонажи»

и «Исторические события» насчитывают более 10 тыс. произведений. Исторические эпохи представляют значительный творческий ресурс для широкого круга пользователей блогговых фанфикшн-платформ.

Фанфики на историческую тематику интересны как продукт массового творчества, в котором отражены стереотипы и мифы массового сознания, влияющие на формирование медиапамяти. Фандомы являются теми самыми эпистемическими аренами, вырабатывающими коллективные представления о прошлом. Как правило, за основу фанфика берется определенное научное историческое знание, которое преломляется через мировоззрение и творческое усилие фикрайтера, подхватывается массами читателей-авторов, создающих свои вариации рассказа о прошлом. Цифровые технологии включены в данный процесс исторического творчества не только в качестве площадок презентации нового продукта неформального знания и культурной памяти, но и своей системой рекомендаций контента, подстроенной под запросы интернет-пользователей.

Интернет-тексты исторической тематики, как и большинство текстов массовой сетевой литературы, представляют собой набор клишированных формул, где происходит корректировка образов персонажей, а сюжетные линии выстраиваются в соответствии со стереотипами массовой культуры. Клишированность формы и содержания, характерная для фанфикшна, определяется существованием концептов создания и восприятия текстов. Новые истории о героях создаются через интерпретацию устоявшихся литературных примеров. Фикрайтеры, строя свои фабульные конструкции на основе чужого текста, вступают в своего рода игровое взаимодействие с мифологическими образами, которые определяют структуру культурной памяти, наделяя своих персонажей новыми качествами и актуализируя их в массовом сознании.

Фанфикшн на историческую тематику играет точно такую же роль, как и историческая беллетристика в формировании представлений о прошлом. Значительная доля вымысла в историческом тексте не делает его восприятие читателями менее историчным. Авторская фантазия всегда основывается на первичных источниках и является значительным вкладом в общее

представление о прошедших событиях и образах героев, так как делает их более понятными и близкими аудитории [Мереминский, 15–16]. Осовременивая прошлое, авторы литературных произведений не уничтожают его, а, наоборот, делают историю частью настоящего.

Одним из популярных исторических образов, используемых в фанфиках, является фигура Петра I. Петровская эпоха подвержена крайней степени мифологизации, что делает ее удобным материалом для создания фандомных произведений, так как чем мифологизированнее персонаж, тем легче его трансформировать и интегрировать в современную реальность, причем иногда буквально, используя распространенный прием фантастической литературы — попаданчество.

Сюжет о попаданцах достаточно типичен для фанфиков и предполагает два варианта развития: герой путешествует в прошлое, чтобы изменить ход истории, либо герой из прошлого попадает в современность и пытается вернуться обратно в свой мир [Шамова, 57–60]. Автор достаточно популярного фанфика «Петр Первый и перемещения во времени (Вот так история, или Любовь, изменившая жизнь)» под псевдонимом «Крошка Люси» создала кроссовер, в котором, объединив различные каноны, написала историю, где сначала главные героини попадают в эпоху Петра I, знакомятся с ним, а потом он сам попадает в настоящее. Данный фанфик является типичным произведением такого рода. Линия любви одной из героинь к Петру I позволяет развернуть сюжет, основной идеей которого стала интеграция исторического персонажа в современную эпоху. Образ первого русского императора, несмотря на его очевидную модернизацию, показан в традициях эпохи Просвещения, когда Петр I для философов-просветителей выступал примером царя-варвара, восхищавшегося европейской цивилизацией. В фанфике царь с точно таким же увлечением изучает Россию будущего, как изучал современную ему Европу, и более всего интересовался техническим прогрессом. В фанфике «Красный блокнот» автора Igor Vasilevsky Петр I, оказываясь в нашем времени, ведет себя хрестоматийно, гневаясь и побивая палкой тех, кого он принял за своих подданных. Но в то же время встречаются рассказы, где император ведет себя как галантный

кавалер и заботливый правитель, — например, в фанфике «Нева» Анастасии Купер, где героиня была спасена из-под льда самой царствующей особой. Миф о Петре I, работнике, демократичном самодержце, близком к простому народу, проявился в данном произведении во всей своей полноте.

Авторов фанфиков про Петра I привлекает история его личной жизни и семейных взаимоотношений, что в целом характерно для исторической беллетристики, которой подражают фикрайтеры. Они пользуются сюжетными пробелами биографии императора и реконструируют их по своему усмотрению. В этих фанфиках отражены реальные биографические события и образ Петра I, каким он представлен в исторической памяти. Драма Евдокии Лопухиной, отправленной царем в монастырь и приговоренной к избиению кнутом за любовную связь с майором Степаном Глебовым, превратилась в одном из фанфиков из политической в романтическую историю, где Петр I показан жестоким и ревнивым правителем. Взаимоотношения императора с женой Екатериной в фанфике с названием «Пожалуйста, будь спокоен» описаны так же, как и в большинстве исторических сочинений о Петровской эпохе, где говорится о благотворном и успокоительном влиянии императорской супруги на буйный нрав мужа. Так же в фанфике «Все пусто без тебя». Хотя любовная история и представлена более драматично, с рассказами об изменах обоих супругов, казнью любовника Екатерины Вильяма Монса, основная фабула строится вокруг способности императрицы к умиротворению своего мужа. Фанфик «За кулисами» посвящен сестре Петра I Наталье Алексеевне, которой отдали на воспитание малолетнего сына царя Алексея Петровича. Петр I представлен в нем заботливым отцом, но уже намечена линия его противостояния с сыном, проявившаяся, когда царевич вырос. Душевные переживания героев выписаны с точки зрения последующих событий и определены глубоким знанием автором с псевдонимом «Бушьенто» исторического контекста.

В таких фанфиках используется творческий прием «пропущенная сцена», когда автор встраивает свой вымышленный рассказ в известный ему сюжет. Однако чаще всего фанфики пишутся на основе заинтересовавшего

фикрайтера, но не слишком информативного факта. Так, автор рассказа «Серая пуговица» признается, что сюжет его зарисовки появился во время экскурсии в музей из краткого повествования экскурсовода об Абраме Ганнибале и его отношениях с Петром I. Несмотря на то что история Ганнибала достаточно хорошо изучена, описана в художественной литературе и кинематографе, автор фанфика выдумывает новый сюжет, с помощью которого воспроизводит свои впечатления от исторического факта.

Авторы фанфиков склонны объяснять не только исторические факты, но и исторические мифы. Одна из самых известных и устойчивых мифологических метафор о Петровской эпохе — строительство Санкт-Петербурга на болотах. Фанфик «Как появился Петербург» автора Странник_2203 объясняет появление идеи построить город на болотах через взаимоотношения Петра I с его фаворитом А. Д. Меншиковым. В этом произведении оба действующих героя — мифологизированные исторические образы самодура-царя и плутоватого, но бесконечно преданного слуги. Таким образом, пытаясь объяснить миф, фикрайтер использует целый набор других мифов, на основе которых он строит свое произведение.

Мифология Петровской эпохи четко воспроизводится и в фанфике «В начале славных дел» автора Angela Gettinger. Потешные полки, знакомство с Алексашкой Меншиковым, начало войны со Швецией, насильственное введение брандирития и село царевича Алексея — эти истории составляют основную событийную мифологизированную канву истории Петра I, что свидетельствует о глубоком влиянии этих мифов на культурную память, которая неизбежно проявляется в сетевой литературе.

В культуре фанфикшн, где авторы никак не ограничивают свою свободу творчества, встречаются абсолютно фантазийные фанфики, в которых исторические герои переживают ситуации, не характерные для них. Но даже в таких рассказах проявляются типичные узнаваемые черты исторических личностей, как они запечатлены в массовом сознании. Так, в фанфике «Лучше поздно, чем никогда!» авторства Софы Шифр главным героем является поэт Александр Сергеевич Пушкин, который вдохновлен противоестественной страстью к мумифицированному трупу Петра I. Известный

из истории литературы факт высокой оценки поэтами XVIII–XIX вв. личности Петра Великого и повышенного интереса к нему в художественном творчестве трансформировался в данном образце фикрайтерства в сюжет о некрофилии, подпитываемый массовой культурой.

В целой серии фанфиков совершенно по-новому показывается история Петра I и его сподвижника А. Д. Меншикова, в духе современного тренда их отношения изображаются гомосексуальными. Фанфики, описывающие гомосексуальные отношения между реальными людьми, называются Real Person Slash и являются достаточно распространенными [Шатрова, Ласица, 45–46]. Фикрайтеры часто прибегают к такому повороту сюжета, осовременивая и делая, по их мнению, его еще более интересным.

Подобные аллюзии с образами популярной культуры ложатся и на восприятие истории авторами/читателями фанфиков. Характерный пример — фанфик автора под ником «melancholy popame» «Как Петр и шеф побеждали нацистов, или Порфирьевич помогает Шрэкам быть свободными». В этом небольшом рассказе переплелись герои из разных эпох и культур. Петр I действует одновременно с А. Гитлером во времена Октябрьской революции 1917 г., где борцами за свободу выступают Шрэки, персонажи, навеянные популярным мультфильмом. Кажущаяся на первый взгляд абсолютная несовместимость персонажей объясняется их репрезентацией в сети Интернет. С 2017 г. существует интернет-мем Петр I — Шрэк, сравнивающий и отождествляющий их на том основании, что мультипликационный персонаж жил на болоте, а исторический герой построил на нем город [Шрек и Петр Первый]. Также встречаются сравнения и с А. Гитлером, который называется

«наследником» Петра I, воспользовавшимся его «Завещанием», представляющим собой историческую фальсификацию [Елисеева]. Этот фанфик показывает, что вольное обращение с историей интернет-пользователями вписывается в сюжеты массовой культуры, частью которой стали исторические персонажи.

Анализ фанфиков на тему истории Петра I показал, что его образ занимает значительное место в культурной памяти современных интернет-пользователей и история Петровской эпохи привлекает их внимание. Репрезентация образа Петра I в сетевой литературе отражает основные мифологизированные представления об этом правителе; в фанфиках можно встретить все исторические мифы, связанные с его именем. В то же время стереотипизированный взгляд на историю российского императора в сетевых литературных произведениях сочетается с образами массовой культуры, и новые сюжеты появляются путем соединения клишированных формулировок из разных художественных канонов и героев из различных пластов культуры. Актуализация образа Петра I происходит через использование устоявшихся литературных приемов, характерных для современной культуры, и творческую фантазию авторов, которые, описывая прошлое со своей точки зрения, неизбежно модернизируют его. Современные интернет-пользователи через сетевые художественные произведения создают свою версию истории. Тем самым историческая литература фанфикшн становится значимой частью медиасреды и оказывает существенное влияние на конструирование медиапамяти цифрового общества.

Список литературы

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Елисеева Н. Завещанием Петра Первого воспользовался Гитлер // Русская народная линия : [сайт]. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/02/08/zavewaniem_petra_pervogo_vospol_zovalsya_gitler (дата обращения: 07.04.2021).

Клюйкова Е. А., Четина Е. М. Фандомы и фанфики: креативные практики на виртуальных платформах // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2015. № 3 (31). С. 95–104.

Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн : Александра, 1992. С. 200–202.

Мереминский С. Г. Историческая беллетристика: к постановке проблемы // Люди и тексты: Исторический альманах. 2017. № 10. С. 14–22.

Мороз О. В. Компьютинг на страже памяти? [Рец. на J. Garde-Hansen, A. Hoskins, A. Reading (Eds.). *Save As... Digital Memories*. Palgrave Macmillan, 2009] // Фольклор и антропология города. 2019. Т. 2, № 1–2. С. 403–419.

Прасолова К. А. Фанфикшн: литературный феномен конца XX — начала XXI века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2009.

Тихонова С. В. Производство неформального знания в социальных сетях и проблемы популяризации науки // Лже-наука в современном мире: медиасфера, высшее образование, школа : сб. материалов Пятой Международ. науч.-практ. конф. им. В. Л. Гинзбурга и Э. П. Круглякова. Санкт-Петербург : ООО «Издательство ВВМ», 2017. С. 118–122.

Федорова Т. В. Социокультурный феномен фанфикшн // Книга в современном мире: проблемы чтения и чтение как проблема : материалы международ. науч. конф. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2014. С. 276–279.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр., вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.

Шамова Н. В. «Попаданцы» как типичный сюжет фанфикшн: этимология, структура, основные мотивы // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха : сб. материалов IV Международ. молодеж. науч.-практ. конф. Магнитогорск : Магнитогор. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2018. С. 57–60.

Шатрова Е. Д., Ласица Л. А. К проблеме определения жанров произведений фанфикшн // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2017. № 1 (201). С. 41–48.

Шрек и Петр Первый // Memopedia : [сайт]. URL: <https://memopedia.ru/shrek-i-pyotr-pervyj/> (дата обращения: 07.04.2021).

Rodin P., Ghersetti M., Odén T. Disentangling Rhetorical Subarenas of Public Health Crisis Communication: A Study of the 2014–2015 Ebola Outbreak in the News Media and Social Media in Sweden (September 2019) // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. 2019. Vol. 27, iss. 3. P. 237–246. DOI: 10.1111/1468-5973.12254.

Wolff R. S. The Historian's Craft, Popular Memory, and Wikipedia // *Writing History in the Digital Age* / ed. J. Dougherty, K. Nawrotzki. University of Michigan Press, Ann Arbor. 2013. P. 64–74.

References

Assmann, J. (2004). *Kulturnaya pamyat: pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokih kulturah drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the past, and Political Identity in the High Cultures of antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury.

Eliseeva, N. Zaveshchaniem Petra Pervogo vospolzovalsya Gitler [The will of Peter the Great was used by Hitler]. *Russkaya narodnaya liniya*. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/02/08/zavewaniem_petra_pervogo_vospol_zovalsya_gitler (mode of access: 07.04.2021).

Fedorova, T. V. (2014). Sociokulturnyj fenomen fanfikshn [Sociocultural phenomenon fanfiction]. *Kniga v sovremennom mire: problemy chteniya i chtenie kak problema: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet.

Halbvaks, M. (2007). *Socialnye ramki pamyati* [Social memory frameworks]. Moscow: Novoe izdatelstvo.

Klyujkova, E. A., Chetina, E. M. (2015). Fandomy i fanfiki: kreativnye praktiki na virtual'nyh platformah [Fandoms and fan fiction: creative practices on virtual platforms]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*, 3 (31), 95–104.

Lotman, Y. M. (1992). *Pamyat v kulturologicheskom osveshchenii* [Memory in cultural coverage]. In Lotman Y. M. *Izbrannye stati*. Tallinn: Aleksandra, 1.

Mereminskij, S. G. (2017). Istoricheskaya belletristika: k postanovke problemy [Historical fiction: towards a problem statement]. *Lyudi i teksty. Istoricheskij almanah*, 10, 14–22.

Moroz, O. V. (2019). Kompyuting na strazhe pamyati? Rec. na Garde-Hansen, J., Hoskins, A., Reading, A (Eds.) *Save As... Digital Memories*. Palgrave Macmillan, 2009 [Computing on guard of memory? Rec. on J. Garde-Hansens, A. Hoskin, A. Reading (Eds.). *Save As... Digital Memories*. Palgrave Macmillan, 2009]. *Folklor i antropologiya goroda*, 2, 1–2, 403–419.

Prasolova, K. A. (2009). Fanfikshn: literaturnyj fenomen konca XX — nachala XXI veka [Fanfiction: a literary phenomenon of the late XX — early XXI century]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Kaliningrad.

Rodin, P., Ghersetti, M., Odén, T. (2019). Disentangling Rhetorical Subarenas of Public Health Crisis Communication: A Study of the 2014–2015 Ebola Outbreak in the News Media and Social Media in Sweden (September 2019). *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 27, 3, 237–246. DOI: 10.1111/1468-5973.12254.

Shamova, N. V. (2018). «Popadancy» kak tipichnyj syuzhet fanfikshn: etimologiya, struktura, osnovnye motivy [“Popadants” as a typical fanfiction plot: etymology, structure, main motives]. *Mirovaya literatura glazami sovremennoj molodezhi. Cifrovaya epoha: sbornik materialov IV mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Magnitogorsk: Magnitogorskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet im. G. I. Nosova.

Shatrova, E. D., Lasica, L. A. (2017). K probleme opredeleniya zhanrov proizvedenij fanfikshn [On the problem of determining the genres of fanfiction works]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (201), 41–48.

Shrek i Pyotr Pervyj [Shrek and Peter the Great]. *Memopedia*. URL: <https://memopedia.ru/shrek-i-pyotr-pervyj/> (mode of access: 07.04.2021).

Tihonova, S. V. (2017). Proizvodstvo neformal'nogo znaniya v social'nyh setyah i problemy populyarizacii nauki [Production of informal knowledge in social networks and problems of popularization of science]. *Lzhenuka v sovremennom mire: mediасфера*,

vysshee obrazovanie, shkola: Sbornik materialov Pyatoy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii imeni V. L. Ginzburga i E. P. Kruglyakova. Sankt-Peterburg: ООО “Izdatelstvo VVM”.

Wolff, R. S. (2013). The Historian’s Craft, Popular Memory, and Wikipedia. Writing History in the Digital Age / ed. by Jack Dougherty and Kristen Nawrotzki, 64–74. University of Michigan Press, Ann Arbor.

Сведения об авторе

Денис Сергеевич Артамонов, кандидат исторических наук, докторант кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета, Саратов, Российская Федерация.

Information about the author

Denis S. Artamonov, Cand. Sci. (History), Saratov State University, Saratov, Russian Federation.

«ВОЙНЫ ПАМЯТИ» В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

DOI 10.15826/tetm.2021.1.005

УДК 94:159.953 + 316.346.36 + 004.77 + 94(100)“1939/45”

Роман Юрьевич Батищев

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: romanbatishhev@rambler.ru

Память о войнах и «войны памяти» в современных memory studies: основные подходы к изучению и ключевые акторы

В статье анализируются основные подходы к рассмотрению памяти о войнах, сложившиеся в отечественных и зарубежных научных исследованиях. Предпринимается попытка выстроить классификацию этих подходов, где критерием выступает выделение центрального актора, транслирующего образы военного прошлого, или признание множественности таких акторов. Рассматриваются особенности государства и различных негосударственных акторов в артикуляции памяти о войнах. Как итог, выделяются национально-государственный подход, подход, обращаящийся к понятию «народной памяти», и социально-акторный подход. Делается вывод, что в рамках социально-акторного подхода связь памяти о войне и «войн памяти» характеризуется наибольшей близостью и дает теоретико-методологические возможности для изучения категории «войны памяти».

Ключевые слова: память о войне, военные коммеморации, войны памяти, политика памяти, мнемонический актор, методология memory studies

Благодарности: Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ-ЭИСИ (проект № 20-011-31600 «Мемориальные войны и политика национальной идентичности на постсоветском пространстве»).

Для цитирования: Батищев Р. Ю. Память о войнах и «войны памяти» в современных memory studies: основные подходы к изучению и ключевые акторы // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2. № 1. С. 34–42.

Поступила в редакцию: 01.03.2021

Принята к печати: 15.03.2021

Roman Yu. Batishchev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

War Memory and “Memory Wars” in Modern Memory Studies: the Main Approaches and Key Actors

The article deals the main approaches to the analysis of war memory, that established in Russian and foreign academic researches. It is made an attempt to classify these approaches, and the criteria is the highlighting of a central actor, translating the images of war past, or the recognition of the plurality of such actors. It is showed the specificities of a state and non-state actors in the articulation of war memory. As a result, it is highlighted a state-centred approach, a popular-memory approach and a social-agency approach. It is concluded, that in the social-agency approach the relation between war memory and “memory wars” becomes the most conspicuous, and it gives theoretical and methodological bases to study the category “memory wars”.

Key words: war memory, war commemorations, memory wars, the politics of memory, mnemonic actor, the methodology of memory studies

For citation: Batishchev, R. Yu. (2021). Pamyat' o voynakh i "voyny pamyati" v sovremennykh memory studies: osnovnye podkhody k izucheniyu i klyuchevye aktory [War Memory and “Memory Wars” in Modern Memory Studies: the Main Approaches and Key Actors]. *Tempus et Memoria*, 2, 1, 34–42.

Submitted: 01.03.2021

Accepted: 15.03.2021

В современном гуманитарном дискурсе к проблемам памяти о войне и «войн памяти» обращено самое пристальное внимание. Соотнесение мемориальных войн и темы войны в политике памяти обусловлено особой важностью образов военного прошлого в политике памяти как России, так и стран Запада. Кроме того, репрезентации военного прошлого в рамках исторической политики часто выступают как механизм «мягкой силы».

При этом в последние десятилетия появление новых конфликтов в политической или культурной сфере (будь то геополитические противостояния ведущих мировых держав, локальный межнациональный вооруженный конфликт или формирование потенциально конфликтогенных зон культурных фронтиров, порождаемых миграционными процессами) теснейшим образом связано с обращением к памяти о конфликтах прошлого, имевших место по поводу спорных вопросов и проблем настоящего. Конфликты вокруг проблемного прошлого здесь понимаются в самом широком смысле: от интерпретаций результатов Второй мировой войны до территориальных претензий локальных этнических групп друг к другу. Тем самым становится очевидным значительный

«мемориальный» аспект современных политических и культурных конфликтов, а в основе этого аспекта лежит чаще всего память о конфликте прошлого. Поэтому соотнесение категорий «память о войне» и «войны памяти» предстает актуальной задачей в рамках современных memory studies.

Отмечается, что интерес к академическим исследованиям памяти обусловлен во многом самой памятью о войне и общественной рефлексией по поводу оправданий жертв войны [Winter, 54; Hutton, 11]. Дж. Уинтер также подчеркивает, что репрезентации военного прошлого в политическом дискурсе (Франко-прусской войны, обеих мировых войн) обусловили все так называемые «мемориальные бумы», случившиеся на Западе за последние 150 лет.

Особый интерес к memory studies и изучению памяти о войнах также связан и с обращением к фигуре жертвы и формированием проблематики травмы (например, с темой Холокоста) [Cultural Trauma...]. В 1980-е гг. популяризация военных событий через расширение масштабов юбилейных мероприятий, активизацию «культурного производства» памятной символики оформили новый этап исследований памяти о войне. В 1990-е гг.,

в связи с распадом социалистического блока и возникновением новых межнациональных конфликтов, события прошлого вновь стали активно использоваться как механизм легитимации вооруженного насилия (что видно на примере конфликтов на постсоветском пространстве и в Югославии). То есть новые войны перешли также в плоскость «войн памяти» [Ashplant, Dawson, Roper, 3–6]. Тогда же в гуманитарных науках обозначился «культурный поворот», способствовавший актуализации проблем социальной памяти и коммеморации событий прошлого [Там же].

При наличии в российской и зарубежной научной литературе большого числа эмпирических исследований и case studies, посвященных тем или иным военным коммеморациям (часть из них будет рассмотрена далее), не получила должного внимания, особенно в политологических исследованиях, сама специфика обращения к войне в рамках политики памяти. В данной статье предпринимается попытка классифицировать основные подходы к рассмотрению памяти о войне в современных memory studies.

Критерием классификации являются основные акторы, которые осуществляют репрезентацию тех или иных образов военного прошлого. Наряду с понятием «актор» используется термин «агенты артикуляции» [Ashplant, Dawson, Roper], в российских исследованиях также используется понятие «мнемонические акторы» как «политические силы, заинтересованные в особом понимании прошлого» [Малинова, 7]. Классификация будет выстраиваться на основе выделения центрального актора, транслирующего те или иные образы военного прошлого, или признания множественности таких акторов и их стратегий артикуляции, что и позволит выявить несколько подходов к рассмотрению коллективной памяти о войнах.

На протяжении десятилетий в фокусе внимания исследователей находилось государство как актор политики памяти, использование памяти о войнах в нациестроительстве и поддержании национальной идентичности. Впервые об этом заговорил французский философ Э. Ренан, определяя национальную память как фундамент нации [Ренан]. Данная позиция также представлена в работах Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера «Изобретение традиции» (1983)

и Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» (1983).

Роль государства в позиционировании памяти о войне подробно рассматривается в труде американского историка Джорджа Лачманна Мосса «Павшие солдаты: новый взгляд на воспоминания о мировых войнах» (“Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars”) (1990). Дж. Мосс рассматривает генезис и развитие «мифа о военном опыте» (“Myth of the War experience”), являвшегося фундаментом идеологии гражданского национализма в западноевропейских государствах. В «мифе о военном опыте» война «рассматривается как значимое и даже священное событие» [Moss, 7]. Зарождение этого мифа Мосс связывает с фигурой солдата-добровольца эпохи войн революционной Франции. Мосс подчеркивает, что «изучить истоки мифа о военном опыте — значит понять роль добровольцев, которые в значительной степени этот миф и породили» [Ibid., 32]. Для государства трансляция подобной мифологии была обусловлена потребностью оправдания постоянно возрастающих военных потерь.

Перед необходимостью оправдания огромных жертв Первой мировой войны государства попытались замаскировать и преодолеть память о понесенных потерях. Межвоенное время в Европе стало некоей кульминацией «мифа о военном опыте». По мнению Мосса, «Первая мировая война дала мифу о военном опыте его полное выражение и возможность прямого перехода в памяти людей от ужасов войны к ее значимости и славным моментам» [Ibid., 50].

Сакрализация павших солдат через возведение воинских мемориалов и памятников носила отчетливый характер гражданского религиозного культа. «Воинские захоронения и военные коммеморации создавались подобно храму нации, и планированию таких сакральных мест уделялось столько же внимания, сколько и постройке храмов. Это были именно те места, где миф о военном опыте, в противовес реалиям войны, находил свое законченное выражение» [Ibid., 32–33].

Мосс подчеркивает, что в Третьем рейхе этот миф и этот культ достигли своего апогея, выступая дополнительной идеологической подпиткой агрессивного милитаризма и экспансии.

После Второй мировой войны в Западной Европе и США происходит повсеместная десакрализация павших солдат, превратившихся из героев войны в ее жертв, наблюдается постепенное затухание «мифа о военном опыте». Изменяются формы военных коммемораций («переформатирование» («reshaping») — отсылка к названию книги). Монументы утрачивают культовую, «литургическую» функцию («liturgical function»), становясь утилитарными объектами («utilitarian function»): парками, садами, библиотеками [Moss, 220]. Устойчивость этой тенденции прослеживается на примере более поздних войн. Так, Мемориал ветеранов войны во Вьетнаме в Вашингтоне не содержит патриотического пафоса и полностью обращен к жертвам войны [Ibid., 224].

Использование военных коммемораций в процессах нациестроительства отмечается и в ряде других работ. Так, М. Керен отмечает, что воинские добродетели «традиционно считались строительными блоками национального государства, которое поэтому поощряло отдельные группы ветеранов превращать свой военный опыт в «социальную память» [Keren, 1]. Однако широкая дискуссия вокруг трагедии Холокоста смогла разубедить массовое историческое сознание в том, что человеческие потери «имели смысл» («meaningful») [Winter, 54–74].

Государственная политика памяти применительно к той или иной войне начинается уже с того, что само использование слова «война» в названии вооруженного конфликта является актом политики памяти. «Там, где оно (государство. — Р. Б.) готово использовать термин “война”, как правило, подразумевается признание государством политических аспектов конфликта, действительно являющегося “продолжением государственной политики другими средствами”, а не, скажем, гуманитарной операцией или внутренней проблемой “закона и порядка”. И наоборот, отказ от признания конфликта “войной” означает отрицание законности — или даже самого существования — конкурирующих политических сил» [Ashplant, Dawson, Roper, 55].

Выстраивание государственных исторических нарративов о войне стоит рассматривать не только (и не столько) как активную работу над проблемным прошлым, но и в связи

с актуальной для государства политической повесткой, внутри- и внешнеполитическим курсом.

К примеру, определенная политика памяти может применяться политическими элитами для возвращения утраченных довоенных позиций страны на международной арене [Starostina, 31]. Ярчайший пример этому — политика памяти о Второй мировой войне при режиме Ш. де Голля. Историк из Сорбонны Оливье Курто, анализируя голлистский дискурс о войне, подчеркивает стремление режима продемонстрировать самостоятельность и единство французской нации в борьбе с нацистскими оккупантами, смещая акценты с высадки союзников в Нормандии на Парижское восстание августа 1944 г. В попытке преодолеть неприятную память о французском коллаборационизме («синдром Виши») режим де Голля сделал ставку на фигуру умолчания относительно противоречивых событий [Courteaux, 3–23]. Подобное сознательное замалчивание фактов коллаборационизма и подчеркивание роли антифашистского сопротивления характерно и для других западноевропейских государств, например, для Италии [Ashplant, 267–268].

Память о войнах прошлого может использоваться в рамках символической политики для легитимизации современных вооруженных конфликтов [Danilova]. Сравнивая политику памяти о войнах в России и в Великобритании, социолог Н. Ю. Данилова выявила общие тенденции в позиционировании войн прошлого в официальных исторических нарративах: наблюдаются деполитизация и деконтекстуализация памяти о войнах, особый акцент придается памяти о павших солдатах как примеру преемственности воинских добродетелей и преданности Отечеству. Тем самым отделяются «причины войны от ее участников, а также поощряется отказ от публичного обсуждения дилемм современных конфликтов» [Ibid., 52]. Подобные «дискурсивные стратегии предлагают изящное решение очень сложной проблемы концептуализации природы современных войн» [Ibid., 83].

Государственные военные коммеморации могут также рассматриваться в рамках определенной внешнеполитической стратегии государства как инструмент «мягкой силы».

Например, историк Сэм Эдвардс говорит об американских военных коммеморациях в Восточной Англии и Нормандии в контексте формирования и поддержания евроатлантической солидарности [Edwards 2015].

Память о войнах и определенная военная мифология способны воздействовать на принятие политических решений, связанных с началом боевых действий. Американский историк Р. Пис подчеркивает влияние «националистического» исторического нарратива американских неоконсерваторов, рассматривающего войну как легитимный способ достижения политических целей, на решение администрации Р. Рейгана оказать военную поддержку никарагуанским «контрас» в их борьбе с социалистическим правительством в ходе гражданской войны [Pease, 63–85].

Сложно оспаривать ведущую роль государства в трансляции образов войн прошлого. В его распоряжении находятся огромные символические ресурсы: воинские мемориалы, музеи, библиотеки, архивы, информационные и образовательные средства формирования и поддержания «официальной истории». Однако сложная структура и неоднородность современного общества, большие возможности медийной трансляции различных исторических репрезентаций дают возможность негосударственным акторам оказывать значительное влияние в том числе и на образы войны в массовом историческом сознании.

К одним из наиболее влиятельных негосударственных акторов политики памяти о войнах принадлежат ветеранские организации. М. Керен объясняет появление этого актора тем, что в послевоенные десятилетия на Западе национальные государства начали терять свои монопольные позиции перед лицом глобализации, вместе с этим проявился общий пацифистский настрой интеллектуалов, и фигура героя, ранее стоявшая в центре официальных исторических нарративов, постепенно утратила былую важность. В итоге «героический» нарратив ветеранов стал противоречить официальным репрезентациям военного прошлого (представленным, например, в музеях). М. Керен рассматривает случай, связанный с протестом ветеранов против позиционирования темы Холокоста в Канадском военном музее. В этой связи ветеранские организации обратили

пристальное внимание на массовую культуру, через которую они пытались представить свои интерпретации военных событий [Keren, 2–8].

В ряду негосударственных акторов политики памяти особую роль играют политические партии, поскольку они являются влиятельными политическими институтами и способны участвовать в исторических баталиях непосредственно в ходе политической борьбы. Межпартийные дискуссии по вопросам того или иного проблемного прошлого не только демонстрируют идеологические установки самих партий, но и вскрывают линии глубинного раскола внутри исторического сознания общества. Причем активное присутствие политических партий на этой площадке наблюдается и в России [Linchenko, Anikin], и за рубежом [Аникин, Яровая].

Религиозные сообщества как акторы политики памяти обладают особой спецификой интерпретации событий прошлого (в том числе войн), которая выражается прежде всего в использовании уникальных религиозных символических ресурсов (например, канонизация как способ коммеморации) [Батищев, Беляев, Линченко]. По некоторым вопросам религиозные акторы способны занять более внятную позицию, чем государство, а также сформировать особый религиозный дискурс, «предлагающий спектр вариантов объяснения» причин войны и ее значения [Аникин, 7].

Память о войнах и отдельные образы военного прошлого также формируют вокруг себя военный дискурс. Уругвайская исследовательница М. Ачугар, опираясь на анализ коллективной памяти военных о периоде репрессий уругвайской хунты против левой оппозиции (1973–1985), отмечает такую особенность военного дискурса, как использование метафор войны там, где фактической войны не было. Например, через категорию «внутренней войны» («state of internal war»). Военный дискурс обращается «к образам войны как для описания событий, так и для обращения к участникам, вовлеченным в эти события» [Achugar, 199].

Нельзя не отметить, что различные акторы политики памяти далеко не всегда нацелены только на определенную артикуляцию своей политико-идеологической позиции. Зачастую негосударственные акторы, занимаясь

военными коммеморациями, могут преследовать и чисто утилитарные, коммерческие интересы. Например, на Галлиполийском полуострове, где в 1915 г. была предпринята неудачная попытка высадки войск Антанты, на сегодняшний день сформировалась отрасль «военного туризма»: места сражений превратились в туристический маршрут для потомков австралийских солдат, сражавшихся в рядах британских частей в ходе Дарданелльской операции [Scates, 57–76]. Постепенная коммерциализация также охватила и американские военные коммеморации в Европе, например, мемориальные комплексы в Нормандии [Edwards 2009, 76–92; Edwards 2015].

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно выделить три основных подхода к рассмотрению памяти о войне, выделяемых по критерию приоритетного значения того или иного актора (или признания множественности акторов).

Хронологически первым можно назвать *национально-государственный, или государствоцентричный подход* («state-centred approach» [Ashplant, Dawson, Roper, 7]). В рамках этого подхода национальное государство фактически обладает монополией на трансляцию образов военного прошлого. Важное значение здесь приобретает политика памяти, понимаемая, в трактовке Хобсбаума, как «практика... социальной инженерии “сверху”»; не та история, которая сохранилась в народной памяти, а та, что была «отобрана, написана, проиллюстрирована, популяризирована и институционализована теми, чья функция в этом и заключается» [Hobsbawm, 13]. Истоки данного подхода связаны с философией Э. Ренана, а наиболее ярко он представлен в упомянутых работах Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера «Изобретение традиции», Б. Андерсона «Воображаемые сообщества», Дж. Мосса «Павшие солдаты».

Противоположную позицию представляет подход, который обращает внимание на *народную память* («popular-memory approach»). Этот подход развивается исследовательской группой по изучению народной памяти Бирмингемского университета [Popular Memory...] и австралийским исследователем А. Томпсоном [Thompson]. В противовес государствоцентризму и конструктивизму здесь постулируется

существование некоей естественной, народной, памяти. Подход опирается на грамшистское учение о культурной гегемонии, присутствуют противопоставление и противостояние частной памяти (индивида, группы) и публичных представлений. Публичные представления понимаются как продукт политики памяти, в рамках которой происходят отбор и подавление частных воспоминаний. Частная память, в свою очередь, борется с гегемонией публичных представлений.

Стремление преодолеть дихотомию первых двух подходов и признание множественности акторов памяти о войне нашли отражение в *социально-акторном подходе* («social-agency approach»). Ключевым моментом здесь выступает признание множественности субъектов, представляющих свои репрезентации военного прошлого, а главное — постоянное присутствие борьбы за память.

Борьба за память (а в своей максиме — войны памяти) разворачивается на «площадках артикуляции памяти» («arenas of articulation»): семейные и родственные группы, географические сообщества, сообщества по интересам, национальные государства и транснациональные политические блоки [Ashplant, Dawson, Roper, 17]. На площадках представлены «агенты артикуляции памяти» («agencies of articulation»), они же «мнемонические акторы». Агенты артикуляции памяти могут существовать как независимо от войны (государство, этнические и религиозные группы, политические партии), так и быть порожденными самой войной (ветераны, инвалиды войны, семьи погибших, перемещенные лица).

Государство и прочие акторы создают определенные рамки памяти о войне, «обрамляют» («framing») частные воспоминания, выраженные индивидами, в формах, которые служат их партикулярным или политико-идеологическим интересам. Тем самым последующие акты «вспоминания» той или иной войны в рамках большой или малой социальной группы будут обусловлены предзаданными формами, значениями и смыслами. Данная теоретическая позиция отсылает к фундаментальным работам Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса, обосновывавших социальную обусловленность индивидуальной памяти. Тем не менее и сами «фреймы» представляют собой гибкие

конструкции. К примеру, «по мере того как государство разрешает внутренний конфликт, или когда оно вступает в новые военные действия, значение предыдущих войн также может изменяться ретроспективно, в соответствии с политическими требованиями настоящего» [Ashplant, Dawson, Roper, 53]. Формирование и трансформация различными акторами своих «фреймов» обуславливает определенную динамику коллективной памяти о войне, а разница в этих «фреймах» создает предпосылки уже для «войн памяти».

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим, что, несмотря на доминирующую роль государства в репрезентациях военного прошлого, память о войне, как внутри, так и за

пределами конкретного государства, представляет собой неоднородное пространство соперничающих нарративов. Со второй половины XX в. официальные государственные военные нарративы, служившие в прежние годы основой гражданского национализма, активно оспариваются со стороны гражданского общества, транснациональных акторов, формальных и неформальных групп.

И именно в рамках социально-акторного подхода определенная связь памяти о войне и «войн памяти», обнаруженная неоднократно при рассмотрении этой темы, характеризуется наибольшей близостью и дает теоретико-методологические возможности для изучения категории «войны памяти».

Список литературы

- Аникин Д. А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // *Studia Humanitatis*. 2020. № 1.
- Аникин Д. А., Яровая И. А. Политика памяти о Второй мировой войне в современной Франции: этнополитические факторы и партийные конфронтации // *Власть*. 2020. Т. 28, № 4. С. 131–137.
- Батищев Р. Ю., Беляев Е. В., Линченко А. А. Русская Православная Церковь как актор современной политики памяти: дискурс канонизации // *Studia Humanitatis*. 2018. № 1.
- Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз* (журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 4 (87). С. 6–22.
- Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собр. соч. : в 12 т. / пер. с фр. под ред. В. Н. Михайловского. Т. 6. Киев : издание Б. К. Фукса, 1902. С. 87–101.
- Achugar M. What we remember: The construction of memory in military discourse. Amsterdam: John Benjamins, 2008. 246 p. (Discourse Approaches to Politics, Society and Culture, issn 1569-9463; vol. 29). DOI: <https://doi.org/10.1017/S0047404509990480>.
- Ashplant T. G. War commemoration in Western Europe: changing meanings, divisive loyalties, unheard voices // *The politics of war memory and commemoration* / ed. by T. G. Ashplant, G. Dawson, M. Roper. L. ; N. Y. : Routledge, 2000. P. 263–273.
- Ashplant T. G., Dawson G., Roper M. Framing the issues. The politics of war memory and commemoration: contexts, structures and dynamics // *The politics of war memory and commemoration* / ed. by T. G. Ashplant, G. Dawson, M. Roper. L. ; N. Y. : Routledge, 2000. P. 1–87.
- Courteaux O. General de Gaulle and the Second World War: Constructing a French Narrative // *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / Natalia Starostina (ed). Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 3–23.
- Cultural Trauma and Collective Identity / Jeffrey C. Alexander, Ron Eyerman, Bernhard Giesen, Neil J. Smelser, and Piotr Sztompka. Berkeley, CA ; London, UK : University of California Press, 2004. 314 p.
- Danilova N. The politics of war commemoration in the UK and Russia. UK : Palgrave Macmillan Memory Studies, 2015. 272 p.
- Edwards S. Allies in Memory. World War II and the Politics of Transatlantic Commemoration, 1941–2001. Cambridge University Press, 2015. 314 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139696999>.
- Edwards S. Commemoration and Consumption in Normandy, 1945–1994 // *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / ed. by M. Keren, H. H. Herwig. Jefferson, North Carolina ; L. : McFarland, 2009. P. 76–92.
- Hobsbawm E. Introduction: inventing traditions // *The Invention of Tradition* / E. Hobsbawm, T. Ranger (eds). L. : Cambridge University Press, 1983. P. 1–15.
- Hutton P. H. Preface. Pioneering Scholarship on the Uses of Mythology in the Remembrance of Modern Wars // *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / Natalia Starostina (ed). Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 11–27.
- Keren M. Introduction // *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / ed. by Michael Keren and Holger H. Herwig. Jefferson, North Carolina and London : McFarland, 2009. P. 1–9.

Linchenko A., Anikin D. The Political Uses of the Past in Modern Russia: the Images of the October Revolution 1917 in the Politics of Memory of Russian Parties // *European Politics and Society*. 2020. Т. 21, № 3. P. 356–370. DOI: 10.1080/23745118.2019.1645430.

Moss G. L. *Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford ; N. Y. : Oxford University Press, 1990. 276 p.

Peace R. Contested Narratives in the United States over the Contra War (Nicaragua, 1980s) // *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / Natalia Starostina (ed). Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 63–85.

Popular Memory Group *Popular memory: theory, politics, method* // *Making Histories: Studies in History-Writing and Politic*. L. : Routledge, 1982. P. 205–252.

Scates B. C. *Manufacturing Memory at Gallipoli* // *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / ed. by M. Keren, H. H. Herwig. Jefferson, North Carolina ; L. : McFarland, 2009. P. 57–76.

Starostina N. Introduction // *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / Natalia Starostina (ed). Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 27–42.

Thompson A. *Anzac Memories: Living with the Legend*. Melbourne : Monash University Publishing, 1994. 424 p.

Winter J. Notes on the Memory Boom: War, Remembrance and the Uses of the Past // *Memory, trauma and world politics: reflections on the relationships between past and present* / ed. by Duncan Bell. Palgrave Macmillan, 2006. P. 54–74.

References

Achugar, M. (2008). *What we remember: The construction of memory in military discourse*. Amsterdam : John Benjamins. 246 p. (Discourse Approaches to Politics, Society and Culture, issn 1569-9463; v. 29). DOI: <https://doi.org/10.1017/S0047404509990480>.

Anikin, D. A. (2020). Pamyat' o Velikoj Otechestvennoj vojne kak simbolicheskij resurs: osobennosti funkcionirovaniya v religioznom soobshchestve [The memory about the Great Patriotic War as a symbolic resource: the specificities of the functioning in religious community]. *Studia Humanitatis*, 1, 24.

Anikin, D. A., Yarovaya, I. A. (2020). Politika pamyati o Vtoroj mirovoj vojne v sovremennoj Francii: etnopoliticheskie faktory i partijnye konfrontatsii [The politics of memory about the Second World War in modern France: ethno-political factors and party confrontations]. *Vlast'*, 28, 4, 131–137.

Ashplant, T. G. (2000). War commemoration in Western Europe: changing meanings, divisive loyalties, unheard voices. *The politics of war memory and commemoration* / ed. by T. G. Ashplant, G. Dawson, M. Roper, 263–273. London, New York: Routledge.

Ashplant, T. G., Dawson, G., Roper, M. (2000). Framing the issues. The politics of war memory and commemoration: contexts, structures and dynamics. *The politics of war memory and commemoration* / ed. by T. G. Ashplant, G. Dawson, M. Roper, 1–87. London, New York: Routledge.

Batishchev, R. Yu., Belyaev, E. V., Linchenko, A. A. (2018). Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' kak aktor sovremennoj politiki pamyati: diskurs kanonizatsii [The Russian Orthodox Church as the actor of a modern politics of memory: the discourse of canonization]. *Studia Humanitatis*, 1, 23.

Courteaux, O. (2015). General de Gaulle and the Second World War: Constructing a French Narrative. In *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / N. Starostina (ed.), 3–23. Cambridge Scholars Publishing.

Danilova, N. (2015). *The politics of war commemoration in the UK and Russia*. UK: Palgrave Macmillan Memory Studies.

Edwards, S. (2009). Commemoration and Consumption in Normandy, 1945–1994 // *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / ed. by Michael Keren, Holger H. Herwig, 76–92. Jefferson, North Carolina; London: McFarland.

Edwards, S. (2015). *Allies in Memory. World War II and the Politics of Transatlantic Commemoration, 1941–2001*. Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139696999>.

Hobsbawm, E. (1983). Introduction: inventing traditions. In *The Invention of Tradition* / E. Hobsbawm, T. Ranger (eds.), 1–15. London: Cambridge University Press.

Hutton, P. H. (2015). Preface. Pioneering Scholarship on the Uses of Mythology in the Remembrance of Modern Wars. In *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / N. Starostina (ed.), 11–27. Cambridge Scholars Publishing.

Jeffrey, C. A., Ron, E., Bernhard, G., Neil, J. S., Sztompka, P. (eds.) (2004). *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, CA; London, UK: University of California Press.

Keren, M. (2009). Introduction. In *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / edited by Michael Keren, Holger H. Herwig, 1–9. Jefferson, North Carolina; London: McFarland.

Linchenko, A., Anikin, D. (2020). The Political Uses of the Past in Modern Russia: the Images of the October Revolution 1917 in the Politics of Memory of Russian Parties. *European Politics and Society*, 21, 3, 356–370. DOI: 10.1080/23745118.2019.1645430.

Malinova, O. Yu. (2017). Kommemoratsiya istoricheskikh sobytij kak instrument simbolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [The commemoration of historical events as the instrument of symbolic politics: the opportunities of comparative analysis]. "Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz" (*The journal of political philosophy and the sociology of politics*), 4(87), 6–22.

Moss, G. L. (1990). *Fallen soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford; New York: Oxford University Press.

Peace, R. (2015). Contested Narratives in the United States over the Contra War (Nicaragua, 1980s). In *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / N. Starostina (ed.), 63–85. Cambridge Scholars Publishing.

Popular Memory Group Popular memory: theory, politics, method (1982). In *Making Histories: Studies in History-Writing and Politic*, 205–252. London: Routledge.

Renan, E. (1902). Что такое нация? [*What is a Nation?*]. In *Renan E. Collected works in 12 volumes*. Translated from French, ed. V. N. Mikhailovsky, 6, 87–101. Kiev: izdanie B. K. Fuksa.

Scates, B. C. (2009). Manufacturing Memory at Gallipoli. In *War memory and popular culture: essays on modes of remembrance and commemoration* / ed. by Michael Keren and Holger H. Herwig, 57–76. Jefferson, North Carolina; London: McFarland.

Starostina, N. (2015). Introduction. In *Between Memory and Mythology: The Construction of Memory of Modern Wars* / N. Starostina (ed.), 27–42. Cambridge Scholars Publishing.

Thompson, A. (1994). *Anzac Memories: Living with the Legend*. Melbourne: Monash University Publishing.

Winter, J. (2006). Notes on the Memory Boom: War, Remembrance and the Uses of the Past. In *Memory, trauma and world politics: reflections on the relationships between past and present* / ed. by Duncan Bell, 54–74. Palgrave Macmillan.

Сведения об авторе

Батищев Роман Юрьевич, аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Information about the author

Roman Yu. Batishchev, graduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

DOI 10.15826/tetm.2021.1.006

УДК 32.019.51 + 94(470) + 303.446.4 + 81'373.4

Оксана Владимировна Головашина

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: ovgolovashina@mail.ru

«Мемориальные войны»: между метафорой и концептом

Статья посвящена исследованию смыслового поля «мемориальных войн», выявлению предпосылок и моделей концептуализации этого понятия, обоснованию возможности использования метафоры «мемориальные войны» в качестве концепта. Теоретико-методологическая база исследования предполагает обращение к работам М. Фуко, Р. Козеллека, М. Хальбвакса, а также к когнитивным теориям метафор (Д. Лакофф, М. Джонсон, А. П. Чудинов). Анализ существующих моделей изучения истории понятий, а также конкретных социальных и дискурсивных факторов позволил проследить концептуализацию «войн памяти» и констатировать появление соответствующей научной категории, однако необходима дополнительная теоретическая работа, связанная с различением смежных понятий, а также более четким различением метафоры «мемориальные войны» и соответствующей научной категории.

Ключевые слова: войны памяти, мемориальные войны, политика памяти, социальная память, метафоры, концепт

Благодарности: Исследование подготовлено по результатам работ, поддержанных грантом РФФИ (опн) № 20-011-31600 «Мемориальные войны и политика национальной идентичности на постсоветском пространстве».

Для цитирования: Головашина О. В. «Мемориальные войны»: между метафорой и концептом // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2. № 1. С. 43–52.

Поступила в редакцию: 15.02.2021

Принята к печати: 01.03.2021

Oksana V. Golovashina

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

“Memory Wars” between Metaphor and Concept

The article is devoted to the study of the semantic field of “memory wars”, identification of prerequisites and models of conceptualization of this concept, substantiation of the possibility of using the metaphor “memorial wars” as a concept. The theoretical and methodological basis of the research involves reference to the works of M. Foucault, R. Kozellek, M. Halbwachs, as well as to cognitive theories of metaphors (D. Lakoff, M. Johnson, A. P. Chudinov). Analysis of existing models for studying the history of concepts, analysis of specific social and discursive factors allowed us to trace the conceptualization of “memory wars” and to state the appearance of the corresponding scientific category, but additional theoretical work is needed to distinguish related concepts, as well as a clearer distinction between the metaphor “memory wars” and the corresponding scientific category.

Key words: memory wars, politics of memory, social memory, metaphors, concept

For citation: Golovashina, O. V. (2021). “Memorial’nye voiny”: mezhdru metaforoi i kontseptom [“Memory Wars” between Metaphor and Concept]. *Tempus et Memoria*, 2, 1, 43–52.

Submitted: 15.02.2021

Accepted: 01.03.2021

Постановка проблемы

Словосочетание «мемориальные войны» или «войны памяти» все чаще появляется на страницах не только интернет-сайтов, средств массовой информации, публицистической литературы, но и академических изданий. Однако семантическое поле этого понятия представляется недостаточно проясненным: разные авторы называют «войнами памяти» фальсификации истории Великой Отечественной войны [Чураков 2015], конфликт интерпретаций внутри страны [Шитов], результат исторической политики, проводимой некоторыми постсоветскими государствами [Герасимчик], процесс взаимных выпадов представителей различных стран по поводу исторических событий (чаще — Второй мировой войны), используют как аналог уже устоявшегося понятия «политика памяти» или яркую метафору. На наш взгляд, эта ситуация может привести к ошибочным толкованиям происходящих процессов и в целом затрудняет исследование современной ситуации в политиках памяти. Анализ смыслового поля «мемориальных войн», изучение различных предпосылок появления и распространения этого понятия в дискурсе о прошлом будет способствовать прояснению некоторых моделей концептуализации понятий и развитию категориального аппарата исследований памяти. Заметим, что нас интересуют не мемориальные войны сами по себе, а понятие о них, истоки и возможные последствия его использования. Также в предлагаемой статье мы не поднимаем вопрос истории понятий, а обращаем внимание на место понятий, в частности «войны памяти», в эпистемологических моделях, определяющих исследовательскую оптику.

Для реализации поставленной цели вначале мы обратимся к существующим моделям изучения истории понятий, рассмотрим их эвристический потенциал, затем проанализируем обоснованные на предыдущем шаге социальные и дискурсивные факторы,

способствующие распространению «войн памяти» как метафоры, в заключение отметим, какие основания позволяют приводить настоящую метафору в качестве концепта.

На интерес к исследованию отдельных концептов и категорий повлияла идея «археологии знания» Мишеля Фуко, обосновавшего, что соотношение «слов» и «вещей» определяется распространенной в тот или иной период эпистемологической моделью. Именно дискурсы, определяемые этими моделями, с точки зрения М. Фуко, формируют реальность. Эта идея легла в основу лингвистической теории понятий, которая получила распространение в исследованиях структуралистов и постструктуралистов. Отдавая должное ее эвристическому потенциалу, мы не считаем подобный подход абсолютно бесспорным, так как исходим из того, что дискурс также находится в поле социального и исследование дискурсивных практик не может быть полным без учета социального контекста; также мы согласны с тем, что свойственный лингвистическим подходам интерпретивизм выводит за скобки социальную каузальность [Шапиро]. Эти замечания, которые не носят характер всеобщей аксиомы, мы считаем вполне корректными для исследования различных вопросов, связанных с изучением коллективной памяти, соответственно подходящими для реализации поставленных в настоящей статье целей.

Исследование истории понятий обычно связывают с двумя направлениями: это сложившаяся на основе работ Р. Козеллека немецкая школа *Begriffsgeschichte* и Кембриджская школа истории понятий, сформированная с опорой на теорию языковых актов Дж. Л. Остина и Дж. Сёрля. Эти направления имеют общий предмет исследования, но разную методологию. Если Рейнхарт Козеллек уделяет внимание изменению смыслов понятий в так называемое «переломное время», то Квентина Скиннера, работающего в русле Кембриджской школы, больше интересует постепенное становление

современных дефиниций и смыслового поля. Среди трудов, опубликованных на русском языке, внимания заслуживают написанная в жанре концептуальной истории работа Б. Г. Капустина [Капустин], серия публикаций, выпущенных издательством Европейского университета в Санкт-Петербурге [Волков; Кром; Куманьков; Миллер], сборники статей тематических конференций [Исторические понятия...; Очерки исторической семантики...; Понятие государства...]. Основное внимание авторы, занимающиеся историей понятий, уделяют категориям политического языка, стремясь через описания различных вариантов прошлых употреблений исследуемых категорий показать, как социальные, политические изменения оказывают влияние на распространение и использование языковых конструкций. Благодаря подобным работам было проведено важное различие слов как пространств смысловых возможностей и понятий, представляющих собой уже «смысловую наполненность» [Война за память, 8–9].

Социальные основания «войн памяти»

Морис Хальбвак в своей классической работе [Хальбвак] настаивал на том, что коллективная память прежде всего определяется социальными условиями. Именно это позволило ему, вслед за своим предшественником Эмилем Дюркгеймом, концептуализировать коллективную память как социальный феномен, исследование которого соответственно должно происходить именно через социальные факторы. Следуя призыву Дюркгейма и Хальбвакса, мы будем исходить из того, что коллективную память вообще и изменение образов прошлого в частности определяет социальный контекст.

Впервые о «войнах памяти» стали говорить в связи с ситуацией демонтажа памятников, посвященных советским воинам, и переосмыслением значения советского периода в истории республик, получивших независимость после распада Советского Союза. Причины распространения этой метафоры можно найти в масштабном праздновании Россией 60-летнего юбилея Победы и развитии национального самосознания, национальной

самоидентификации в молодых республиках. В 2007–2008 гг. более, чем «войны памяти» в публицистике, было распространено словосочетание «война памятников» [Можно ли остановить...; Рыбакова; Скандал с советским...; Шестернина]. Эмоциональность оценок («Все войны отвратительны. Даже если это всего лишь война памяти. И главное оружие в ней — натянута до предела аргументация охрипло спорящих историков» [Таранова]) не способствовала концептуализации, однако наметила проблемное поле, которым в дальнейшем заинтересовались исследователи. Уже в 2010 г. Александр Эткинд возглавил проект «A Memory War: Cultural Dynamics in Russia, Poland, and Ukraine», получивший рекордное для Кембриджа финансирование (1 млн евро). Масштабная работа, проведенная историками, социологами, филологами, социальными антропологами из различных институтов Западной Европы, была направлена, по словам Эткинды, на исследование «переговоров и сражений о смыслах советского и постсоветского прошлого, разворачивающихся в публичном пространстве между Россией, Украиной и Польшей в последнее десятилетие» [Зверева]. Однако необходимо отметить, что в своих публикациях по итогам проекта [Эткинд; Blacker; Etkind; Rutten, Fedor, Zvereva] исследователи, подчеркивая конфликтный характер мемориального пространства на постсоветском пространстве и Восточной Европы, избегали непосредственной терминологии «войн памяти».

Распространению метафоры «мемориальные войны» способствовало также расширение Европейского союза на восток (2004 и 2007 гг.) и связанная с ним популярность нарратива о двух тоталитаризмах. Большинство из принятых в ЕС государств не были готовы к приятию сложившегося в Западной Европе нарратива о Холокосте и культуре покаяния из-за участия жителей этих стран в преследовании евреев и отсутствия соответствующих исторических и культурных оснований. Признание двух тоталитаризмов позволило говорить о жертвах не только со стороны евреев, но и со стороны жителей бывших социалистических стран, которые, в соответствии с этим нарративом, находились под оккупацией советского тоталитарного режима.

В 2008 г. 409 членов Европейского парламента подписали декларацию о провозглашении 23 августа, дня подписания пакта Молотова–Риббентропа, Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма. В 2009 г. ОБСЕ приняла Вильнюсскую декларацию, в которой поддержала провозглашение 23 августа Международным днем памяти жертв тоталитаризма, приравняв таким образом нацизм и сталинизм, так как оба этих режима, по мысли авторов декларации, «привели к геноциду, нарушениям прав и свобод человека, военным преступлениям и преступлениям против человечности» [Vilnius Declaration...]. Провозвестником Европейского дня памяти жертв сталинизма и нацизма можно считать День черной ленты, который также отмечается 23 августа: в 1986 г. соответствующие памятные мероприятия прошли в 21 городе, к 1990-м гг. количество городов-участников увеличилось до 56, в том числе из стран Балтии. Масштабные мероприятия, приуроченные к 23 августа, регулярно проводятся в основном в восточноевропейских странах, и их число постоянно растет. В 2019 г. правительства Польши, Румынии, Латвии, Литвы и Эстонии опубликовали совместное заявление, в котором призвали «правительства всех европейских стран оказать как моральную, так и материальную поддержку продолжающемуся историческому расследованию тоталитарных режимов» [Joint Statement...]. Переосмысление собственного прошлого восточноевропейскими странами, прежде всего через культивирование собственной виктимизации, вызвало соответствующую реакцию России. Степень конфликта вокруг общего социалистического прошлого, обоснованное нежеланием России признать нарратив о двух тоталитаризмах, а также активные действия не только политиков, но и публицистов, общественных деятелей, граждан позволили исследователям неоднократно маркировать текущую ситуацию как «войны памяти».

Если в середине 2000-х гг. термин «войны памяти» употреблялся по отношению к постсоветскому пространству, то сейчас можно говорить и о распространении войн памяти в России. Немецкий историк Марк Эделе связывает символический переход российской исторической политики на следующий этап с вынесением в 2015 г. Владимиру Лузгину

первого приговора по закону о противодействии реабилитации нацизма (ч. 1, ст. 354.1 УК РФ) [Edele, 93]. На наш взгляд, это скорее свидетельствует об институализации этого этапа, так как, хотя закон был принят в 2014 г., после нашумевшего опроса радиостанции «Дождь», его разработка велась за несколько лет до этого. Скорее принятие мемориального закона и активное его применение свидетельствуют о необходимости, сохраняя риторику данного дискурса, нанести превентивный удар, если войны памяти перенесутся с постсоветского и европейского пространства в Россию. Однако мы согласны с тем, что развитие институционального аспекта мемориальных войн может свидетельствовать о том, что они перестают быть просто метафорой, а оказываются действующим объектом современного пространства работы с прошлым.

Таким образом, к социальным основаниям повышения внимания к «войнам памяти» мы относим интенсивное развитие национального самосознания в постсоветских и постсоциалистических республиках, интеграционные процессы в Европейском союзе, которые выступили причиной актуализации и институализации нарратива о двух тоталитаризмах, наличия конфликтного потенциала исторических повествований внутри страны.

Дискурсивные основания «войн памяти»

Сложившаяся в классической научной парадигме точка зрения на то, что язык науки, цель которого состоит в представлении максимально точной и соответствующей действительности информации, не может допускать образных средств, уже в течение XIX в. подвергалась пересмотру. Философы-романтики подчеркивали, что метафора выступает в качестве главного (или единственного) способа выражения мысли; Фридрих Ницше настаивал, что любое познание может быть только метафоричным; исследователи XX в. обратили внимание на дологические способы познания и обосновывали метафорическое освоение мира [Гусев; Abraham; Hoffman]. Однако, не отрицая когнитивный потенциал метафоры, мы считаем, что метафоры или дают толчок дальнейшим исследованиям, или, при их постоянном использовании, становятся

концептами, то есть метафоры — это скорее инструмент, а не результат научного познания.

В основе использования метафоры, как в бытовом, так и в художественном и научном дискурсе, лежит идея подобия. «Относя чувственно воспринимаемый признак к отвлеченным и непосредственно ненаблюдаемым объектам, когнитивная метафора выполняет гносеологическую (познавательную) функцию. Она формирует область вторичных предикатов — прилагательных, глаголов, характеризующих непредметные сущности, свойства которых выделяются по аналогии с доступными восприятию признаками физических предметов и наблюдаемых явлений» [Abraham, 54]. То есть характеристики, качества, свойства одной области, могут переноситься на другую область, в которой ранее они не употреблялись. В большинстве случаев речь идет о том, что понятия, доступные чувственному восприятию и опыту, переносятся на довольно абстрактные категории, понимание которых может быть затруднено. Большинство терминов, распространенных в естественно-научном дискурсе, первоначально представляли собой метафоры, однако метафоры распространяются и в социальном знании.

«Война» — одна из самых эвристичных метафор в теории познания; в ее распространенности и популярности, на взгляд некоторых теоретиков, проявляется милитаризация российского сознания [Будаев, Чудинов; Караулов, Филиппович; Чудинов; Balabanov, Pashyna, Lysak]. Использование этой метафоры диктует необходимость обращения к таким связанным с войной понятиям, как «вооруженная борьба», «столкновение», «уничтожение», «захват», «освобождение», а также подразумевает использование слов и словосочетаний, определяющих место проведения боевых действий («граница», «фронт», «минное поле» и др.), понятий военного искусства («стратегия», «тактика»), результатов и процессов военных действий («победа», «поражение», «трофей», «мобилизация», «оборона» и др.), участников боевых действий («армия», «солдат», «командир»).

Особенность использования метафоры в любом виде дискурса состоит в том, что метафора обязательно несет за собой дополнительные смыслы, также связанные с этим семантическим полем. Если мы говорим

о «войнах памяти», то дискурс начинает строиться с использованием понятий «агрессор» и «обороняющийся», «потери», «стратегические рубежи» [Чураков 2018, 422], «мобилизация» [Тимофеев], «враги» и «победители» [Колодий]. Историк, в соответствии с этим дискурсом, как бы меняет свою роль исследователя и становится солдатом (или офицером) на мемориальных войнах. Возможность истории, полностью независимой от политики, отрицается [Бордюгов, 8]. Однако непроработанность метафоры проявляется в том, что разговор из дискурса войны возвращается в дискурс политики памяти или информационных войн; авторы говорят о «преодолении всего советского и имперского» [Там же, 15], о влиянии мемориальных войн на процесс идентификации [Там же].

Как метафора «война памяти» пришла в современный дискурс исследований памяти через категории «информационная война» и «политика памяти», которые также изначально существовали в дискурсе ученых в качестве метафор. В отличие от «информационной войны» «войны памяти» подразумевают, что борьба ведется не только в информационном поле. Про «войны памяти» говорят, когда разрушают памятники, принимаются законы, за нарушение которых люди могут получить реальные штрафы или подвергаться уголовному преследованию. Несмотря на то что вести речь об информационных войнах можно начиная еще с Античности [Васильев, Подсохин], понятие пришло к нам из дискурса американских военных в конце 1990-х — 2000-е гг. Сейчас, в том числе благодаря наличию большого количества переводной литературы и активной работы с этим термином представителей разных дисциплин, можно говорить о том, что информационные войны представляют собой достаточно проработанный в исследовательской литературе концепт, несмотря на частое его использование публицистами. Содержание понятия «информационные войны» связано с различными формами манипуляции общественным мнением, наличием конфликта, целей, часто «военно-политических», достижением безопасности, защитой.

В отличие от «политики памяти» «мемориальные войны» связаны не только с политическими решениями, но и с действиями обычных

людей, носителей какого-либо образа прошлого. Поле «мемориальных войн» не ограничивается определением стратегий отношения к прошлому. «Войны памяти» предполагают наличие конфликта, разрешение которого связано с использованием всех возможных ресурсов. Продолжая метафору, «мемориальные войны» начинаются тогда, когда конфликт выходит за рамки возможностей только политических решений. Если мы говорим о политике (в том числе о политике памяти или исторической политике), то подразумеваем, что ее главным актором оказывается государство. Однако война касается всех жителей государства, и у среднего жителя какой-либо страны оказывается больше возможностей для активного участия в войне, чем в политике. Государство принимает мемориальные законы и отвечает за содержание учебников, но разрушение памятников далеко не всегда выступает его идеей.

Под государством, как показал О. Хархордин, в современном его значении имеется в виду субъект действий, агент [Хархордин, 66]. Политика памяти, в соответствии с такой трактовкой государства, оказывается обусловленной «государственными интересами», своеобразным прочтением идеи общего блага (например, общее благо как необходимость в безопасности), представление о котором оказывается не тождественным частным интересам и принятым моральным нормам. При этом, как правило, предлагается только одна интерпретация «общего блага» как единственно верная. Подчинение каким-либо решениям политики памяти представляет собой не акт сознательного выбора, а, как можно предположить со ссылкой на П. Бурдьё, обусловлено всем течением повседневной жизни [Бурдьё, 153–155]. Человек не осознает структурирующих аспектов работы институтов, акторов, определяющих то, что он называет государством, за исключением тех моментов, когда какие-либо их аспекты разрушаются или резко проявляются не так, как было привычно в повседневной жизни.

Различение государства и общества не входит в задачи предлагаемой статьи, однако нам представляется важным постулировать существование границы между политической элитой, принимающей решения, в том числе

связанные с определением стратегий политики памяти, и гражданским обществом, которое также может выступать в качестве агента «войн памяти». В основе осмысления «общества» и «государства» как определенных антиподов лежит заложенная еще Дж. Локком идея о естественном дополитическом состоянии человека, то есть положение до общественного договора, положившего начало государству. В «мемориальных войнах» агентом, субъектом действий могут быть как государство, так и общественные институты или отдельные граждане.

Таким образом, распространение метафоры «мемориальные войны» приводит к активизации военной лексики в дискурсе о памяти. Понятие «войны памяти» связано с категориями «информационные войны» и «политика памяти», но не тождественно им; анализ существующих трактовок государства и дискурса мемориальных войн позволяет констатировать активность других агентов, кроме государства, в поле дискурса о прошлом.

От метафоры к концепту

В истории понятий, по мысли Р. Козеллека, проявляется и политическая история, и история опыта [Козеллек]. Как правило, понятия сами по себе не имеют раз и навсегда данного им значения, а меняют семантическое поле в зависимости от того, в каком контексте это понятие употребляется. Поэтому возможно использование одинаковых понятий в различных эпистемологических моделях [История понятий...], однако таким образом смысл понятия размывается, а его концептуализация оказывается затрудненной. Особенно эти сложности проявляются на той стадии, когда распространение какой-либо метафоры в научном знании приводит к ее постепенной концептуализации.

«Мемориальные войны» или «войны памяти» в современном социально-гуманитарном дискурсе перестают быть метафорой и все чаще работают в качестве концепта. Признавая определенную дискуссионность существующих определений концепта, в предлагаемой статье под концептом мы имеем в виду определенные универсалии, которые замещают нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же

рода» [Аскольдов-Алексеев, 267–268]. О концептуализации «войн памяти» можно говорить, когда они рассматриваются как «особая форма идеологических войн» [Чураков 2018, 422], «борьба за использование и интерпретацию визуальных образов памяти» [Тимофеев, 46], «столкновение различных интерпретаций советского и постсоветского прошлого» [Зверева]. Ключевым понятием, определяющим «мемориальные войны», оказывается «историческая правда» («историческая истина»), которая, по мысли авторов, выступает синонимом понятия «исторический факт», «борьба», «конфликт»; «войны памяти» определяются через «информационные», «идеологические» войны, как одно из проявлений политики памяти.

Переход от метафоры к концепту связан с несколькими этапами. Сначала происходит различение сферы, откуда происходит метафора, и сферы, где она употребляется. Можно констатировать, что этот этап в целом завершился, потому что произошло различение информационных войн, политики памяти и войн памяти. Далее начинается этап концептуализации, когда метафора верифицируется в различных полях ее употребления. Третий этап преобразования метафоры в научное

понятие связан с развитием системы различения первоначального слова/словосочетания и термина, употребляемого как научная категория. На данном этапе сложно говорить о наличии такого различения.

В 2003 г. В. А. Шнирельман выпускает книгу «Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье», впервые допустив использование этого сочетания в научном дискурсе, однако в монографии нигде это словосочетание больше не встречается. В 2010 г. наряду с «войнами памяти» исследователи говорят о «сражениях за память», «войнах воспоминаний» [Зверева], «войнах за память» [Война за память]. Сейчас практически всегда употребляется словосочетание «войны памяти».

Таким образом, употребление словосочетания «войны памяти» как метафоры вполне соответствует так называемому аффективному менеджменту истории [Oushakine], однако все более усиливающееся распространение этого понятия в научном дискурсе, работа с ним профессиональных исследователей способствуют концептуализации войн памяти, появлению такой категории со своим довольно четким содержанием, смысловым полем, различением со смежными категориями.

Список литературы

- Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста : ант. / под общ. ред. В. П. Нерознака. М. : Academia, 1997. С. 267–279.
- Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М. : АИРО-XXI, 2011.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Политическая метафорология на современном этапе развития (2010–2019 гг.) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 56–70.
- Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. С. 153–155.
- Васильев А. Д., Подсохин Ф. Е. Информационная война: лингвистический аспект // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 10–16.
- Война за память // АТН: новости Беларуси и мира [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=waT8P5ASulE> (дата обращения: 19.10.2020).
- Волков В. Государство, или Цена порядка. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020.
- Герасимчик В. «Война памяти»: Как изменилось восприятие общей истории гражданами постсоветских стран // Евразия-эксперт [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/voyna-pamyati-kak-izmenilos-vozpriyatie-obshchey-istorii-grazhdanami-postsovetskikh-stran/> (дата обращения: 19.10.2020).
- Гусев С. С. Наука и метафора. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984.
- Зверева В. Сражения за память, войны воспоминаний: Научный семинар «Война памяти: культурная динамика в России, Польше и Украине» // Журнальный зал [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/1/srazheniya-za-pamyat-voynu-vozpominanij-nauchnyj-seminar-vojna-pamyati-kulturnaya-dinamika-v-rossii-polshe-i-ukraine.html> (дата обращения: 19.10.2020).
- Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков : сб. науч. работ. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге : Алетейя, 2006.
- История понятий, история дискурса, история метафор / под ред. Х. Э. Бедекера. М. : Новое лит. обозрение, 2010.
- Капустин Б. Г. Критика политической философии: Избранные эссе. М. : Территория будущего, 2010.

- Карцулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М. : Азбуковник, 2009.
- Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Вып. 5. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге : Алетей, 2006. С. 33–53.
- Колодий Н. А. Лабиринт памяти — места памяти — война памяти: опыт истолкования // Вестн. наук Сибири. 2013. № 1 (7). С. 240–245.
- Кром М. Патриотизм, или Дым Отечества. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020.
- Куманьков А. Война, или В плену насилия. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020.
- Миллер А. Нация или могущество мифа. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019.
- Можно ли остановить «войну памятников» в Европе // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://pda.rian.ru/analytics/20071102/86273530.html> (дата обращения: 19.10.2020).
- Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М. : Языки славян. культуры, 2009.
- Понятие государства в четырех языках. М. : Летний сад ; СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2002.
- Рыбакова М. Памятный визит // РБК Daily [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2007/05/23/focus/276859> (дата обращения: 19.10.2020).
- Скандал с советским кладбищем: случайность или закономерность? // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://pda.rian.ru/analytics/20080201/98177466.html> (дата обращения: 19.10.2020).
- Таранова Э. У прошлого в плену // РИА-новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20080722/114612612.html?all> (дата обращения: 19.10.2020).
- Тимофеев М. Ю. «Войны памяти»: монумент «Родина-мать зовет!» в современной мемориальной политике // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2017. № 1. С. 45–58.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : Новое издательство, 2007.
- Хархордин О. Х. Основные понятия российской политики. М. : Новое лит. обозрение, 2011.
- Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013.
- Чураков Д. О. «Войны памяти» и локальные конфликты современности // Преподавание военной истории в России и за рубежом : сб. ст. / под ред. К. А. Пахалюка. М. ; СПб. : Нестор-История, 2018.
- Чураков Д. О. Войны памяти: отстоять правду победы // Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 7–24.
- Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках / пер. с англ. Д. Узланера. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
- Шестернина Е. «Бронзовый солдат»-2. Теперь в Праге // Известия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.izvestia.ru/world/article3106120/?print> (дата обращения: 19.10.2020).
- Шутов А. Войны памяти: Почему они захлестнули Америку // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/opinions/8839735> (дата обращения: 19.10.2020).
- Эткинд А. Кривое горе. Память о непогребенных. М. : Новое лит. обозрение, 2016.
- Abraham W. A linguistic approach to metaphor. Lisse : De Ridder Press, 1975.
- Balabanov K., Pashyna N., Lysak V. Regional Identity in Ukraine: Formation Factors and Functions // *Studia Politica*. 2019. Vol. 19, № 3–4. P. 491–513.
- Blacker U. *Memory and Theory in Eastern Europe*. London : Palgrave-Macmillan, 2013.
- Edele M. Fighting Russia's history wars: Vladimir Putin and the codification of world War II // *History A. Memory*. Bloomington (in). 2017. Vol. 29, № 2. P. 90–124.
- Etkind A., Finnin R., Blacker U. *Remembering Katyn*. Malden: John Wiley & Sons, 2012.
- Hoffman R. R. *Metaphor in science // Cognition and figurative language*. Hillsdale. New Jersey : Erlbaum, 1980.
- Joint Statement by Estonia, Latvia, Lithuania, Poland and Romania on the occasion of 80 years since the signing of Molotov-Ribbentrop Pact // Gov.pl [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.pl/web/diplomacy/joint-statement-by-estonia-latvia-lithuania-poland-and-romania-on-the-occasion-of-80-years-since-the-signing-of-molotov-ribbentrop-pact> (mode of access: 19.10.2020).
- Oushakine S. Remembering in Public: On the Affective Management of History // *Ab Imperio*. 2013. № 1. P. 269–302.
- Rutten E., Fedor J., Zvereva V. *Memory, Conflict and New Media: Web Wars in Post-Socialist States (Media, War and Security)*. London : Routledge, 2013.
- Vilnius Declaration of the OSCE Parliamentary Assembly and resolutions adopted at the eighteenth annual session // OSCE PA [Electronic resource]. URL: <https://www.oscepa.org/documents/all-documents/annual-sessions/2009-vilnius/declaration-6/261-2009-vilnius-declaration-eng/file> (mode of access: 19.10.2020).

References

- Abraham, W. A. (1975). *Linguistic Approach to Metaphor*. Lisse: De Ridder Press.
- Askol'dov-Alekseev, S. A. (1997). Kontsept i slovo [The Concept and the Word]. In Neroznaka V. P. *Russkaya slovesnost': Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologiya*, 267–279. Moskva: Academia.
- Balabanov, K., Pashyna, N., Lysak, V. (2019). Regional Identity in Ukraine: Formation Factors and Functions. *Studia Politica*, 19, 3–4, 491–513.
- Blacker, U. (2013). *Memory and Theory in Eastern Europe*. London: Palgrave Macmillan.
- Bodeker, H. E. (2002). Ausprägungen der Historischen Semantik in der Historischen Kulturwissenschaften. In *Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte*, 7–27. Göttingen: Wallstein.

- Bordyugov, G. A. (2011). "Voyny pamyati" na postsovetskom prostranstve. ["Memory wars" in the Post-Soviet Space]. Moskva, AIRO-XXI.
- Bourdieu, P. (2007). Dukh gosudarstva: genezis i struktura byurokraticeskogo polya [The Spirit of the State: the Genesis and Structure of the Hureaucratic Field]. In *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva*, 153–155. Moskva: Institut eksperimental'noi sotsiologii ; Sankt-Peterburg: Aleteiya.
- Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2020). Politicheskaya metaforologiya na sovremennom etape razvitiya (2010–2019 gg.) [Political Metaphorology at the Present Stage of Development]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 3, 56–70.
- Chudinov, A. P. (2013). *Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii* [Essays on Modern Political Metaphorology]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo pedagogicheskogo universiteta.
- Churakov, D. O. (2018). "Voyny pamyati" i lokal'nye konflikty sovremenosti ["Wars of Memory" and Local Conflicts of Our Time]. In *Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom*, 421–431. Moskva, Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya.
- Churakov, D. O. (2015). Voyny pamyati: otstoyat' pravdu pobedy [Memory Wars: Defend the Truth of Victory]. *Gumanitarnye nauki*, 1, 7–24.
- Edele, M. (2017). Fighting Russia's history wars: Vladimir Putin and the codification of world War II. *History A. Memory*. Bloomington (in), 29, 2, 90–124.
- Etkind, A. (2016). *Krivoie gore. Pamyat' o nepogrebennykh* [Memory of the unburied]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Etkind, A., Finin, R., Blacker, U. (2012). *Remembering Katyn*. Malden: John Wiley & Sons.
- Gerasimchik, V. "Voyna pamyati". Kak izmenilos' vospriyatie obshchei istorii grazhdanami postsovetskikh stran ["War of Memory". How Has the Perception of Shared History Changed Among Citizens of Post-Soviet Countries]. In *Evrasiya-ekspert* [Elektronnyi resurs]. URL: <https://eurasia.expert/voyna-pamyati-kak-izmenilos-vospriyatie-obshchey-istorii-grazhdanami-postsovetskikh-stran/> (mode of access: 19.10.2020).
- Gusev, S. S. (1984). *Nauka i metafora* [Science and Metaphor]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Halbwachs, M. (2007). *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social Frameworks of Memory]. Moskva: Novoe izdatel'stvo.
- Hoffman, R. R. (1980). Metaphor in Science. *Cognition and figurative language*, 47–67. Hillsdale, New Jersey: Erlbaum.
- Joint Statement by Estonia, Latvia, Lithuania, Poland and Romania on the occasion of 80 years since the signing of Molotov-Ribbentrop Pact // *Gov.pl* [Electronic resource]. URL: <https://www.gov.pl/web/diplomacy/joint-statement-by-estonia-latvia-lithuania-poland-and-romania-on-the-occasion-of-80-years-since-the-signing-of-molotov-ribbentrop-pact> (mode of access: 19.10.2020).
- Kapustin, B. G. (2010). *Kritika politicheskoi filosofii: Izbrannye esse* [Criticism of Political Philosophy]. Moskva: Territoriya budushchego.
- Karaulov, Yu. N., Filippovich, Yu. N. (2009). *Lingvokul'turnoe soznanie russkoi yazykovoi lichnosti. Modelirovanie sostoyaniya i funktsionirovaniya* [Linguocultural Consciousness of the Russian Language Personality. State and Function Modeling]. Moskva: Izdatel'skii tsentr "Azbukovnik".
- Kharkhordin, O. (ed.) (2002). *Ponyatie gosudarstva v chetyrekh yazykakh* [The Concept of State in Four Languages]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Kharkhordin, O. (2011). *Osnovnye ponyatiya rossiiskoi politiki* [Basic Concepts of Russian Politics]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Koposov, N. E., Krom, M. M., Potapova, N. D. (ed.) (2006). *Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka: Sb. nauch. Rabot* [Historical Concepts and Political Ideas in Russia of the XVI–XX Century]. Sankt-Peterburg: Aleteiya.
- Kozellek, R. (2006). Sotsial'naya istoriya i istoriya ponyatii [Social History and the History of Concepts]. In *Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka*, 5, 33–53. Sankt-Peterburg: Aleteiya.
- Kolodii, N. A. (2013). Labirint pamyati — mesta pamyati — voyna pamyati: opyt istolkovaniya [Labyrinth of Memory — Places of Memory — War of Memory: Experience of Interpretation]. *Vestnik nauk Sibiri*, 1 (7), 240–245.
- Krom, M. (2020). *Patriotizm ili Dym Otechestva* [Patriotism or the Smoke of the Fatherland]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Kuman'kov, A. (2020). *Voyna ili V plenu nasiliya* [War or in Captivity of Violence]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Miller, A. (2019). *Natsiya ili mogushchestvo mifa* [Nation or the Power of Myth]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Mironova, D. M. (2020). K voprosu o sistemologicheskoi adekvatnosti kognitivnogo podkhoda k yazyku [On the Question of the Systemological Adequacy of the Cognitive Approach to Language]. *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 63, 64–82.
- Mozhno li ostanovit' "voynu pamyatnikov" v Evrope [Can the "War of Monuments" in Europe be Stopped]. *RIA Novosti* [Elektronnyi resurs]. URL: <http://pda.rian.ru/analytics/20071102/86273530.html> (mode of access: 19.10.2020).
- Oushakine, S. (2013). Remembering in Public: On the Affective Management of History. *Ab Imperio*, 1, 269–302.
- Rutten, E., Fedor, J., Zvereva, V. (2013). *Memory, Conflict and New Media: Web Wars in Post-Socialist States (Media, War and Security)*. London: Routledge.
- Rybakova, M. (2007). Pamyatnyi vizit [Memorable visit]. *RBK Daily* [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2007/05/23/focus/276859> (mode of access: 19.10.2020).
- Shapiro, I. (2011). *Begstvo ot real'nosti v gumanitarnykh naukakh* [Escape from Reality in the Humanities]. Moskva: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Shesternina, E. Bronzovyi soldat-2. Teper' v Prage [Bronze soldier-2. Now in Prague]. *Izvestiya* [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.izvestia.ru/world/article3106120/?print> (mode of access: 19.10.2020).
- Shitov, A. Voyny pamyati. Pochemu oni zakhlestnuli Ameriku [Memory Wars. Why did they Overwhelm America]. *TASS*. URL: <https://tass.ru/opinions/8839735> (mode of access: 19.10.2020).

Skandal s sovetским kladbishchem: sluchainost' ili zakonomernost'? [The Scandal with the Soviet Cemetery: Chance or Regularity?] In *RIA Novosti*. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://pda.rian.ru/analytics/20080201/98177466.html> (mode of access: 19.10.2020).

Taranova, E. U proshlogo v plenu [The Past in Captivity]. *RIA-novosti* [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ria.ru/20080722/114612612.html?all> (mode of access: 19.10.2020).

Timofeev, M. Yu. (2017). "Voyny pamyati": monument "Rodina-mat' zovet!" v sovremennoi memorial'noi politike ["Wars of Memory": the Monument "Motherland Calls!" in Modern Memorial Politics]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, 1, 45–58.

Vasil'ev, A. D., Podsokhin, F. E. (2016). Informatsionnaya voina: lingvisticheskiy aspekt [Information War: a Linguistic Aspect]. *Politicheskaya lingvistika*, 2 (56), 10–16.

Vilnius Declaration of the OSCE Parliamentary Assembly and Resolutions Adopted at the Eighteenth Annual Session. OSCE PA [Electronic resource]. URL: <https://www.oscepa.org/documents/all-documents/annual-sessions/2009-vilnius/declaration-6/261-2009-vilnius-declaration-eng/file> (mode of access: 19.10.2020).

Voina za pamyat' [The War for Memory]. In *ATN: novosti Belarusi i mira*. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=waT8P5ASulE> (mode of access: 19.10.2020).

Volkov, V. (2020). *Gosudarstvo ili Tsena poryadka* [The State or Price of Order]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Zvereva, V. (2011). Srazheniya za pamyat', voyny vospominanii. Nauchnyi seminar "Voina pamyati: kul'turnaya dinamika v Rossii, Pol'she i Ukraine" [Battles for Memory, Wars of Memories. Scientific Seminar "War of Memory: Cultural Dynamics in Russia, Poland and Ukraine"]. In *Zhurnal'nyi zal* [Elektronnyi resurs]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/1/srazheniya-za-pamyat-voyny-vospominanij-nauchnyj-seminar-vojna-pamyati-kulturnaya-dinamika-v-rossii-polshe-i-ukraine.html> (mode of access: 19.10.2020).

Zhivov, V. M. (2009). *Ocherki istoricheskoi semantiki russkogo yazyka rannego Novogo vremeni* [Essays on Historical Semantics of the Early Modern Russian Language]. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury.

Сведения об авторе

Головашина Оксана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия

Information about the author

Oksana V. Golovashina, Cand. Sci. (History), Leading Research Fellow at of the Ural Institute of Humanities at Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

DOI 10.15826/tetm.2021.1.007

УДК 32.019.51 + 82-94 + 94(470)“1941/45” + 94(100)“1939/45”

Антон Вячеславович Комплеев

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: an_kompleev@mail.ru

Исторические сюжеты современных мемориальных войн на постсоветском пространстве

В статье анализируются процесс распада единой системы исторических образов, сложившихся в советский период, и причины нарастания мемориальных войн на постсоветском пространстве. Делается вывод о широком использовании в современных мемориальных войнах на постсоветском пространстве исторических сюжетов и образов, связанных с Великой Отечественной войной.

Ключевые слова: мемориальные войны, историческая политика, исторические нарративы, Великая Отечественная война, Вторая мировая война

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта «Мемориальные войны и политика национальной идентичности на постсоветском пространстве» (№ 20-011-31600).

Для цитирования: Комплеев А. В. Исторические сюжеты современных мемориальных войн на постсоветском пространстве // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2. № 1. С. 53–58.

Поступила в редакцию: 01.03.2021

Принята к печати: 15.03.2021

Anton V. Kompleev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Historical Stories of Modern Memorial Wars in the Post-Soviet Space

The author analyzes the process of the collapse of a single system of historical images that developed during the Soviet period and the reasons for the increase in memorial wars in the Post-Soviet space. It is concluded that historical stories and images related to the Great Patriotic War are widely used in modern memorial wars in the Post-Soviet space.

Keywords: memory wars, politics of history, historical narratives, Great Patriotic War, World War II

For citation: Kompleev, A. V. (2021). Istoricheskie syuzhety sovremennykh memorial'nykh voin na postsovetском prostranstve [Historical Stories of Modern Memorial Wars in the Post-Soviet Space]. *Tempus et Memoria*, 2, 1, 53–58.

Submitted: 01.03.2021

Accepted: 15.03.2021

Проблематика «мемориальных войн» (memory wars) в последние годы становится важным предметом исторического, философского, политологического дискурса. Как отмечает А. Миллер, «суть политики памяти понимается как непримиримое противостояние политических оппонентов, в котором один должен выиграть, а другой проиграть» [Миллер]. На смену попыткам выстраивания диалога между конкурирующими формами исторической памяти в последние годы приходит развязывание полноценных войн, в ходе которых происходит не только отстаивание собственной позиции по отношению к прошлому, но и закрепление данной позиции в соответствующих нормативных документах, регламентирующих публичную оценку проблемных моментов истории. То есть происходит канонизация определенных трактовок прошлого, причем суть данного процесса заключается в стремлении отдельных национальных государств, обретение или возвращение независимости которых связано с процессом падения «железного занавеса», легитимировать не только собственное существование, но и выстроить стратегию, обосновывающую их претензию на включенность в современное политическое пространство.

После распада Советского Союза отечественные историческая наука и образование оказались в сложной ситуации, которую многие исследователи характеризуют как кризис. Если историческая наука в России, несмотря на методологический «застой» и очевидное недофинансирование, сохранила возможности для развития, а так называемая «архивная революция» и работа над «белыми пятнами истории» позволили российским ученым в сотрудничестве с зарубежными коллегами создать значительный пласт качественных исследований и документальных публикаций по различным периодам российской истории, в том числе по советской эпохе, то отечественное историческое образование вступило в период болезненной трансформации, ключевой тенденцией которого становится отказ от советского идейно-политического наследия.

Схожие процессы происходили практически во всех республиках бывшего Советского Союза, в которых с обретением независимости активизировался процесс поиска собственной

национально-государственной идентичности и выстраивания своей национальной истории. Как научные исследования, так и учебная историческая литература большинства постсоветских стран оказались подвержены общей тенденции национализации истории. Из российских учебников, а также из учебников других государств, образовавшихся после распада СССР, исключались материалы об истории бывших советских республик. Вместе с тем можно говорить о том, что в отечественном историческом образовании, в сравнении с большинством постсоветских стран, произошел более мягкий формат переоценки своего исторического прошлого. В отличие от других новообразованных государств, не имевших собственных полноценных учебников по истории, Россия могла выбирать — разрабатывать концептуально новые подходы к преподаванию отечественной истории или корректировать старые советские учебники. В 1990-е гг., во многом пойдя по пути «наименьшего сопротивления», российское руководство выбрало второй путь, сохранив в исторической литературе определенное влияние советской традиции.

В России в наибольшей степени пересмотру подверглась новейшая история страны. Во многом под влиянием информационной политики подавляющего большинства российских средств массовой информации и деятельности органов государственной власти по дискредитации «тоталитарного» наследия Советского Союза соответствующие оценки советского периода отечественной истории получили широкое распространение в исторических исследованиях и перешли в новые школьные и вузовские учебники и учебные пособия. В этот период происходит окончательная «десакрализация» деятельности коммунистической партии, образа В. И. Ленина и значения Октябрьской революции 1917 г. в истории страны. При оценке деятельности В. И. Сталина акцент делается на массовых репрессиях и демонстрации прорывов в социально-экономической политике и подготовке к Великой Отечественной войне.

Была предпринята попытка рассматривать Великую Отечественную войну исключительно в мировом контексте — как «один из фронтов» Второй мировой войны. При этом зачастую уравнивались различные по масштабу

и историческому значению события, происходившие на советско-германском фронте и на других театрах военных действий Второй мировой войны. В качестве предмета для дискуссии для старших школьников выносилось обсуждение концепции «превентивной войны» Германии против СССР В. Суворова. С незначительными отличиями подобный набор оценок событий новейшей истории страны закрепился в большинстве многочисленных учебников и учебно-методических пособий, появившихся в 1990-е гг. и издававшихся в том числе при финансовой поддержке зарубежных фондов. Другим результатом происходивших в российском образовании процессов стала дезориентация учителей, в большинстве своем привыкших работать в рамках единого подхода к преподаванию истории.

Кардинальный поворот в официальной политике памяти и системе исторического образования в России произошел в начале 2000-х гг. в результате смены политического руководства, которое обозначило стремление консолидировать противоположные точки зрения на собственную историю и желание достигнуть определенного консенсуса в обществе. С этого времени начинается активизация использования научного и образовательного потенциала в целях оптимизации российской политики памяти. Выходят исследования, посвященные формированию российской национально-государственной идентичности и ее символических оснований. Оживляется дискуссия о необходимости упорядочения системы исторического образования в школе, в том числе путем создания единого учебника по отечественной истории. Вместе с тем можно констатировать, что в нашей стране так и не происходит формирования устойчивой системы национальных ценностей (до определенной степени можно говорить, что единственным исключением является патриотизм). В этой связи современную политику памяти в России характеризует ее реализация в условиях мозаичности ценностей, возможной конкуренции ценностных систем.

К важным причинам поворота в отношении к собственной истории в России в XXI в. следует отнести и активизацию нападок на советское прошлое в странах Восточной Европы, главной мишенью которых на международной арене

стала современная Россия [Историческая политика..., 333]. «Оранжевая революция» на Украине и наметившееся охлаждение отношения со странами Запада повлияли на различные стороны политики российских властей, в том числе и на реализуемую символическую политику. Образы совместного исторического прошлого, сформировавшиеся после 1991 г. в государствах Восточной Европы и постсоветского пространства, вступают между собой в серьезные противоречия. Исторические концепции все активнее используются для обоснования взаимных претензий на межгосударственном уровне. Столкновение исторических нарративов приобретает все более конфликтный характер и выливается в так называемые «мемориальные войны». На постсоветском пространстве они возникают в контексте распада единой системы исторических образов и формирования национальных идентичностей [Бордюгов, 13–14].

Одной из ключевых тем современных мемориальных войн на постсоветском пространстве в последние десятилетия стала история Великой Отечественной войны. Этот конфликт является частью более широкого геополитического противостояния за возможность переосмыслить ту геополитическую конфигурацию, которая сложилась по итогам Ялтинской и Берлинской конференций. В этом смысле «войны памяти», разворачивающиеся не только на постсоветском пространстве, но и по всей Восточной Европе, знаменуют собой не столько вопрос трансформации исторического дискурса, сколько изменение политического порядка, в результате чего меняется положение отдельных стран, а следовательно, и их обоснование данного положения. Усиление конфронтационных тенденций с этой точки зрения связано с несколькими основными причинами.

Политическая подоплека активизации войн памяти связана с кризисом прежде всего проекта глобальной памяти, прообразом которого стали попытки создания общеевропейской памяти вокруг «проработки прошлого», предложенной Т. Адорно [Адорно, 14]. Вопрос о «немецкой вине» в результате длительной общественной полемики становится фактором консолидации не только германского общества, но и превращается в способ обеспечения единой европейской идентичности (в своем

изначальном варианте, прежде всего западно-европейской). Но окончание «холодной войны» и неумолимое расширение Европейского союза на территорию Восточной Европы в 90-е гг. XX в. привело к существенным трансформациям в дискурсивных стратегиях памяти о войне, поскольку вновь образовавшиеся или кардинально поменявшие политический режим государства оказались в противоречивой ситуации. С одной стороны, уже сформировавшийся западный дискурс о войне требовал соблюдения определенных морально-этических и нормативных рамок (например, сохранение и защиту памяти о Холокосте), а с другой — естественным процессом на территории этих государств становится рост националистических настроений, заставляющих героизировать тех исторических персонажей, которые, в контексте современной политической карты Европы, начинают выступать в качестве защитников национальной независимости. Данные процессы мы можем наблюдать, с определенной степенью вариативности, и на постсоветском пространстве.

Другой существенной причиной становится информационный плюрализм, заключающийся в многообразии точек зрения на поводу травматических моментов исторического прошлого, а также возможности сравнения существующих интерпретаций. Как ни парадоксально, но именно информационная открытость становится важным фактором активизации мемориальных войн, поскольку наличие конкурирующих нарративов предполагает отстаивание в информационном пространстве той точки зрения, которая наиболее соответствует национальным интересам постсоветских государств.

Актеры и нарративы современных войн памяти между различными республиками бывшего СССР серьезным образом различаются между собой. При этом российская сторона, выступающая за сохранение единых подходов к историческому значению участия СССР в Великой Отечественной и Второй мировой войнах, зачастую оказывается одной из сторон мемориальных войн на постсоветском пространстве. Одни и те же исторические личности и события часто получают диаметрально противоположные оценки на государственном уровне, в общественно-политическом дискурсе

и системе образования. Важной причиной включения России в целый ряд исторических конфликтов является ее исходная позиция, заставляющая рассматривать постсоветское пространство как определенное геополитическое и мировоззренческое единство. При этом важно учитывать, что, несмотря на сходство траекторий исторической политики на постсоветском пространстве, именно это сходство парадоксальным образом служит источником раскола, поскольку демонстрирует противоречивое стремление отдельных государств как выстроить определенную систему внешнеполитических отношений (и с Российской Федерацией, и с другими политическими акторами), так и обеспечить решение внутривнутриполитических задач. Историческая память в данном случае становится важным инструментом, позволяющим достигать неустойчивого баланса между особенностями внешней и внутренней политики.

Исходя из задач построения и укрепления новых политических наций, различного, хотя и имеющего много общих черт опыта выстраивания национальной идентичности различные постсоветские государства по-своему осуществляют «приватизацию памяти» о Великой Отечественной войне. Например, в Казахстане отмечается стремление переосмыслить сложившееся в советский период представление об отдельных эпизодах войны в пользу участия в них этнических казахов (водружение Знамени Победы над рейстагом, подвиг Н. Ф. Гастелло). Справедливости ради стоит отметить, что национализация героев Великой Отечественной войны свойственна и современной российской региональной политике, особенно в республиках Поволжья и Северного Кавказа. В частности, в Татарстане особенно подчеркивается татарское происхождение майора П. М. Гаврилова, героя обороны Брестской крепости, хотя вопрос о его этнической идентичности является крайне дискуссионным.

Важным вопросом, ставшим предметом оживленной дискуссии после распада СССР, является тема коллаборационизма советских граждан в период войны. На рубеже XX — начала XXI в. в России была проделана большая работа по документальному изучению и осмыслению этого явления. Вместе с тем,

в отличие от прибалтийских республик и Украины, российские власти не пошли на героизацию людей, сотрудничавших с нацистской Германией в годы войны (хотя оценки коллаборационизма были значительно смягчены по сравнению с советским периодом). Как следствие, на дипломатическом уровне вступают в конфронтацию официальные российские, прибалтийские и украинские оценки политики советских органов государственной безопасности, проводившейся по отношению к участникам антисоветского движения в этих республиках в годы Великой Отечественной войны и после ее завершения [Политика против истории...].

Близкая к прибалтийской трактовка причин участия жителей республики в воинских формированиях нацистской Германии получила распространение в Азербайджане. Так, авторы школьного учебника «История Азербайджана» для 11 класса напрямую оправдывают участие азербайджанцев в Мусульманском легионе надеждами на получение независимости, которые они связывали с приходом нацистов [Наследники победы и поражения..., 208].

С принципиально иных позиций трактуется служба советских граждан в военных формированиях нацистской Германии в Казахстане, Узбекистане, Киргизии и Туркменистане. В этих государствах сложился подход, строящийся либо на умалчивании фактов о службе в Туркестанском легионе выходцев из этих республик, либо на подчеркивании вынужденного характера участия советских военнопленных в коллаборационистских формированиях [Там же, 186].

Особый интерес вызывает память о Великой Отечественной войне в современной Белоруссии, что связано в первую очередь с ее тесными политическими связями с Российской Федерацией, а также с видимым сохранением значительной части еще советской стилистики мемориального дискурса. Вместе с тем, как отмечает В. Шимов, этот взгляд является поверхностным, потому что не учитывает постепенный тренд на национализацию памяти

о войне, что проявляется в появлении альтернативных мемориальных акций («Беларусь помнит» вместо «Бессмертного полка»), новых мемориальных дат, подчеркивании особой роли белорусского народа в борьбе с нацизмом [Шимов]. Очевидно, что последствия этого процесса будут иметь большое значение для всего постсоветского пространства, особенно для взаимоотношений Белоруссии и Российской Федерации.

Коллективная память о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве не остается статичной, поскольку это в принципе невозможно в условиях информационной открытости. Сюжеты, связанные с историей и предысторией войны, активно используются в современной исторической политике, играющей важную роль в формировании национальной идентичности в постсоветских странах. Стоит отметить, что постсоветские страны оказываются в очень противоречивой ситуации сочетания различных мемориальных дискурсов, конфликты между которыми могут находиться в латентном состоянии.

Память о Великой Отечественной войне является хорошим маркером, позволяющим оценить не только вариативность политических стратегий присвоения прошлого, но и обозначить национальный вектор развития всех постсоветских государств. По сути, за последние десятилетия складывается множество локальных стратегий репрезентации памяти о войне, каждая из которых нацелена как на выстраивание определенных внешнеполитических связей (что проявляется в самой терминологии — Великая Отечественная война или Вторая мировая), так и на решение внутренних вопросов: создание пантеона национальных героев, консолидация общества, формирование стратегии государственного развития. Разумеется, этот процесс протекает с различной интенсивностью, поэтому активизация войн памяти на постсоветском пространстве постепенно становится не только вопросом ведения внешней политики, но и важным вопросом обеспечения внутренней стабильности отдельных государств.

Список литературы

- Адорно Т. Что такое «проработка прошлого?» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. С. 10–19.
 Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М. : АИРО-XXI, 2011. 256 с.
 Историческая политика в XXI веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 648 с.
 Миллер А. И. Враг у ворот истории: Как историческая память стала вопросом безопасности // Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81207> (дата обращения: 25.03.2021).
 Наследники Победы и поражения. Вторая мировая война в исторической политике стран СНГ и ЕС / отв. ред. Т. С. Гузенкова, О. В. Петровская. М. : РИСИ, 2015. 460 с.
 Политика против истории. Дело партизана Кононова. М. : Вече, 2011. 464 с.
 Шимов В. Что происходит с памятью о Великой Отечественной войне в Белоруссии? // Фонд стратегической культуры. 2021. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/05/08/chto-proishodit-s-pamjatu-o-velikoj-otechestvennoj-vojne-v-belorussii-53524.html> (дата обращения: 25.03.2021).

References

- Adorno, T. (2005). Chto takoe «prorabotka proshlogo?» [What is a “study of the past?”]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2, 10–19.
 Bordyugov, G. A. (2011). «Voyny pamyati» na postsovetskom prostranstve [«Memory Wars» in the Post Soviet space]. М.: АИРО-XXI.
 Istoricheskaya politika v XXI veke (2012) [Historical policy in the XXI century] / Nauchnyye redaktory A. Miller, M. Lipman. М.: Novoye literaturnoye obozreniye.
 Miller, A. I. (2020). Vrag u vorot istorii: Kak istoricheskaya pamyat' stala voprosom bezopasnosti [The enemy at the gate of history. How historical memory has become a security issue]. *Moskovskij centr Karnegi*. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81207> (data obrashcheniya: 25.03.2021).
 Nasledniki Pobedy i porazheniya. Vtoraya mirovaya vojna v istoricheskoy politike stran SNG i ES (2015) [Heirs of Victory and Defeat. World War II in the historical policy of the CIS and EU countries] / отв. ред. Т. С. Гузенкова, О. В. Петровская. М.: RISI.
 Politika protiv istorii. Delo partizana Kononova (2011) [Politics vs. history. The case of the partisan Kononov]. М.: Veche.
 Shimov, V. (2021). Chto proiskhodit s pamyat'yu o Velikoj Otechestvennoj vojne v Belorussii? [What happens to the memory of the Great Patriotic War in Belarus?]. *Fond strategicheskoy kul'tury*. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/05/08/chto-proishodit-s-pamjatu-o-velikoj-otechestvennoj-vojne-v-belorussii-53524.html> (data obrashcheniya: 25.03.2021).

Сведения об авторе

Комплев Антон Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Information about the author

Anton V. Kompleev, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

DOI 10.15826/tetm.2021.1.008
УДК 37.02:94 + 1:94 + 167.7 + 005.745

Андрей Александрович Линченко

Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: linchenko1@mail.ru

Ключевые понятия исторической дидактики и исторического обучения в межкультурной перспективе: обзор международной научной конференции (г. Грац, 11–14 ноября 2020 г.)

Статья представляет собой обзор основных теоретических дискуссий международной научной конференции по исторической дидактике, состоявшейся в Университете города Грац (Австрия) в конце 2020 г. Итоги работы конференции указывают на наличие трансформационных процессов, происходящих в исторической дидактике, что справедливо в отношении как ее базовых понятий (историческое сознание, историческое мышление, историческая культура), так и методов преподавания истории. Основными тенденциями данной трансформации могут быть названы центральная роль вопросов межкультурного диалога и познания на уроках истории, всестороннее использование цифровой среды в преподавании истории, миграционный фокус исторического образования и широкое распространение этической проблематики, истории повседневности на уроках истории. Было замечено, что все перечисленные аспекты соотносимы с тенденциями развития современных *memory studies*, что рождает надежду на дальнейшее соотношение и взаимное обогащение двух дискурсов.

Ключевые слова: историческое сознание, историческое мышление, историческая культура, историческая дидактика, этика истории

Благодарности: Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках гранта № 19-18-00421.

Для цитирования: Линченко А. А. Ключевые понятия исторической дидактики и исторического обучения в межкультурной перспективе: обзор международной научной конференции (г. Грац, 11–14 ноября 2020 г.) // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2. № 1. С. 59–65.

*Поступила в редакцию: 15.03.2021
Принята к печати: 30.03.2021*

Andrey A. Linchenko

Tomsk State University, Tomsk, Russia

Core Concepts of History Didactics and Historical Education in Intercultural Perspectives: Review of the International Scientific Conference (Graz, November 11–14, 2020)

The article is a review of the main theoretical discussions of the international scientific conference on history didactics, which was organized at the University of Graz (Austria) at the end of 2020. The results of the conference indicate the presence of transformational processes taking place in history didactics. This is true both in relation to its basic concepts (historical consciousness, historical thinking, historical culture) and the methods of teaching history. The main trends of this transformation can be called the central role of issues of intercultural dialogue and cognition in history lessons, the comprehensive use of the digital environment in teaching history, the migration focus of history education and the widespread dissemination of ethical issues, the history of everyday life in history lessons. It was noted that these aspects are correlated with the development trends of modern memory studies, which gives hope for further correlation and mutual enrichment of the two discourses.

Key words: historical consciousness, historical thinking, historical culture, history didactics, ethics of history

For citation: Linchenko, A. A. (2021). Klyuchevye ponyatiya istoricheskoi didaktiki i istoricheskogo obucheniya v mezhekul'turnoi perspektive: obzor mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Grats, 11–14 noyabrya 2020 goda) [Core Concepts of History Didactics and Historical Education in Intercultural Perspectives: Review of the International Scientific Conference (Graz, November 11–14, 2020)]. *Tempus et Memoria*, 2, 1, 59–65.

Submitted: 15.03.2021

Accepted: 30.03.2021

Проблемы коллективной памяти, продолжающие привлекать внимание все большего числа исследователей по всему миру в последние три десятилетия, способствовали не только росту интереса к общественным дискуссиям о прошлом, но и в определенном смысле отодвинули на второй план исследования исторического сознания. В нашей стране историческое сознание является преимущественно предметом исследования философов и историков, в то время как в зарубежной науке в последние полвека оно в большей мере является предметом изучения исторической дидактики — междисциплинарного направления исследований преподавания истории в школе и вузах, а также общественных функций истории, исследований молодежных образов прошлого. Как известно, появление исторической дидактики в ФРГ было связано с общественными дискуссиями относительно нацистского прошлого и его «преодоления». Важной стороной данных дискуссий являлось историческое сознание молодежи, которое изначально не сводилось только к совокупности исторических знаний, но включало

в себя способность ориентироваться в социальном пространстве и времени, а также вырабатывать критическое отношение к окружающей исторической культуре. Именно в таком виде историческое сознание и было представлено в исторической дидактике в 70–80-е гг. прошлого столетия, дав основания К.-Э. Яйсману полагать его как «центральную категорию исторической дидактики» [Jeismann, 1].

«Классическое» определение историческому сознанию дал другой видный немецкий теоретик истории, Йорн Рюзен. По его мысли, историческое сознание есть «совокупность ментальных операций, служащих цели соединения опыта прошлого, интерпретаций настоящего и ожиданий будущего, формирующих практическое ориентирование в жизни» [Rüsen 2004, 68]. Этот же зарубежный ученый был одним из инициаторов введения в научный оборот другого, не менее важного понятия — «историческая культура», которое он трактовал максимально широко. «Историческая культура есть, по сути, историческое сознание, схваченное в действии, она представляет собой все

формы и способы восприятия прошлого в контексте настоящего и будущего» [Rüsen 1994, 238]. Мы привели в этом обзоре конференции данные понятия, так как они продолжают оставаться отправной точкой для современных работ по исторической дидактике в мире [Geschichtsdidaktische...; Schönemann; Palgrave Handbook...], что в очередной раз и показала прошедшая в Австрии конференция.

Конференция «Ключевые понятия исторической дидактики и исторического обучения в межкультурных перспективах» (Австрия, Университет Граца, 11–14 ноября 2020 г.) без преувеличения явилась знаковым событием на пути дальнейшего развития исторической дидактики. Ее основной целью было уточнение и трансформация смысла и значения ключевых понятий исторической дидактики: исторического сознания, исторического мышления, исторической культуры. Данные понятия в целом ряде секций конференции получили новое теоретическое рассмотрение в контексте актуальных вызовов, стоящих перед современной исторической дидактикой (public history, мемориальные войны, дигитализация исторического обучения, переоценка прошлого в фокусе миграционных процессов). Основным контекстом обсуждения понятий исторической дидактики явилась ситуация межкультурного взаимодействия, из перспективы которой участники анализировали опыт теоретических и эмпирических исследований.

Общие ориентиры конференции были обозначены в выступлениях трех основных докладчиков — Йорна Рюзена (ФРГ), Вульфа Канштайнера (Дания) и Дипеша Чакрабарти (США). Основным докладчиком первого дня стал Йорн Рюзен, который постарался наметить основные тенденции будущего исторической дидактики. Он подчеркнул, что основным предметом исторической дидактики остаются историческое сознание и его роль в социальной жизни. Именно этот прагматический аспект, по его мысли, доминировал и продолжает доминировать над методологией преподавания истории в исторической дидактике. И здесь важно мыслить будущее не катастрофически, поскольку катастрофические образы будущего рождают катастрофические образы прошлого. По мысли немецкого ученого, перспективы дальнейшего развития исторической дидактики связаны,

во-первых, с необходимостью широкого признания идеи человеческого достоинства, а во-вторых, с дальнейшим развитием темы «Человек и природа. История и природа». Первая перспектива обсуждалась им в контексте рефлексивного сравнения культурных различий в обращении со временем и прошлым на основе целого ряда антропологических универсалий. Вторая перспектива видится немецкому ученому в контексте историзации природы, интеграции природы в человеческую культуру, необходимости рассматривать чувство ответственности за природу как ценность исторической ответственности.

Основным докладчиком второго дня стал Дипеш Чакрабарти. Его доклад назывался «Планетарная эпоха в человеческой истории» и был посвящен необходимости усиления внимания к истории природы. Исходным для него был тезис о проблематичности соотношения природной и человеческой истории и их единства. История природы, в отличие от хронологии природы, по мысли известного ученого, еще не написана. Основываясь на целом ряде макроэкономических и социальных показателей, Д. Чакрабарти постарался обосновать идею о том, что человекоцентристское восприятие истории несопоставимо с планетарной историей Земли. Человечество очень поздно пришло в эту историю и должно быть рассмотрено как часть планетарной истории. Соответственно перед современной наукой стоят две перспективы. Первая — перспектива глобализации. Вторая — перспектива планетарного мышления, ставящая планету в центр наших способов объяснения истории.

Основным докладчиком третьего дня стал Вульф Канштайнер. Он подчеркнул мысль о важной роли дигитальной среды исторического образования. В своем докладе он призвал ориентироваться не только на интеллектуальную рефлексивную и критическое мышление как важнейшие инструменты воспитания историка, но и на концепт «погружения» (immersion) [The Graz conference, 73]. Современное историческое образование, по мысли автора, практически неотделимо от контактов со сферой медиа. Это значит, что оно должно не противостоять им, а учитывать и использовать «экстраординарный погружающий потенциал» (extraordinary immersive potential).

В своем докладе он призвал к оптимизму, подчеркивая, что мы имеем возможность жить в культуре, предполагающей возможность глубокого погружения в изучаемую эпоху благодаря именно медийным (дигитальным) средствам. Выделяя типы «погружения»: экранное (на примере телесериала «Холокост»), физическое (Мемориал жертвам Холокоста в Берлине) и дигитальное (виртуальная модель концлагеря в Баварии, видеоигра «Call of Duty»), он отметил, что высокий эмоциональный контекст любого из типов актуализирует дискурс исторической ответственности, оборотной стороной которого как раз и выступает репрезентация культурной травмы.

В течение четырех дней в рамках целого ряда секций обсуждались теоретические и практические вопросы преподавания истории, трансформации исторического сознания молодежи, новые проекты исторического обучения в условиях дигитализации, а также этические проблемы преподавания истории в школе в разных частях мира. Однако в этом кратком обзоре мы постараемся наметить основные дискуссии в рамках обсуждения базовых понятий исторической дидактики: исторического сознания, исторической культуры и исторического мышления. Каждому из этих понятий были посвящены соответствующие секции в течение всех дней работы конференции.

Несмотря на то что определение исторического сознания, данное Йорном Рюзеном, в большинстве случаев сохранило свое значение, основные дискуссии на секциях развернулись вокруг универалистского и конструктивистского понимания исторического сознания. По сути, сам Йорн Рюзен обозначил возможности универалистского понимания исторического сознания и необходимость сопоставления различных культурных способов обращения со временем на основе антропологических универсалий. Идеи немецкого ученого были развиты в докладе профессора Университета Бразилии Эстевао Де Ресензе Мартинса (Бразилия). Историческое сознание в его понимании — это осознание субъектом собственного положения в темпоральном процессе, поскольку историчность и темпоральность совпадают. Историческое сознание также показывает особенности и уровень

вовлеченности субъекта в собственную историческую культуру, а также его отношение к другим историческим культурам. При этом отмечалось, что историческое сознание присуще человеческой экзистенции как таковой. Однако такая позиция, как и доклад Йорна Рюзена, вызвали целый ряд критических замечаний, обозначивших крен исторической дидактики в сторону конструктивистского подхода.

Наиболее ярко эта критика проявила себя в докладе Йорга ван Нордена из Билефельдского университета (ФРГ), который сконцентрировал внимание на эволюции термина «историческое сознание» и своеобразии англо-американского и немецкого дискурсов. Принципиальная позиция немецкого исследователя состоит в необходимости отказа от широкой дефиниции исторического сознания, поскольку, во-первых, оно более не может отражать метафизические онтологии человеческого понимания, а во-вторых, не учитывает дифференциации историко-дидактических операций. Для Йорга ван Нордена историческое сознание есть нарративная осознанность, соотносимая только с формой знания о том, как мы «делаем» историографию. Историческое сознание для него — это то, как мы соединяем рационально понимаемое прошлое, настоящее и будущее в наших нарративах.

Приоритет конструктивистского подхода был хорошо замечен в целом ряде докладов, посвященных проблемам развития навыков критического мышления и исторического сознания школьников в Дании (Марен Люти, Университетский колледж Северной Дании), проблемам и трудностям постконфликтного исторического обучения в Южной Африке (Наташа Робинсон, Оксфордский университет), а также серии докладов о развитии исторического сознания школьников в условиях миграционного и постмиграционного общества. В одном из них был представлен опыт использования цифровых инструментов и платформ для вовлечения школьников в изучение миграционных историй как важной составляющей культурной памяти и истории принимающих обществ (Лиз Доуз Дюрайсинх, Гарвардский университет). В другом докладе были представлены результаты изучения школьных практик развития исторического сознания мигрантов второго поколения. Было

показано, что ключевыми направлениями исторического обучения в данном случае выступают формирование ответственного глобального гражданина, развитие этической рефлексии в отношении исторической культуры, интеграция в историческое обучение идей человеческого достоинства и мультиперспективности, развитие критического индивидуального исторического сознания (Луиджи Каджани, Университет Рима).

Множество положительных откликов вызвал доклад Абигейл Брэнфорд (Оксфордский университет), посвященный концептуализации исторического сознания в свете идей транснационализма и постколониализма. Постколониальное историческое сознание, по ее мысли, имеет двойную структуру. Первый уровень подобной структуры воспроизводит хорошо знакомую для исторической дидактики формулу переплетения в историческом сознании прошлого с настоящим и будущим. Однако второй уровень предполагает ряд неудобных вопросов ко всем вышеперечисленным модусам времени. Почему некоторые части мира богаче, чем остальные? Кто такие хорошие и плохие люди и почему? Кто имеет право на сомнение?

Не менее важными были секции конференции, посвященные проблеме исторического мышления в межкультурной перспективе. Несмотря на то что участники конференции не оспаривали определение исторического мышления как совокупности интеллектуальных операций, основанных на практике научного историографического анализа, целью которых является конструирование субъектом определенной исторической реальности на основе имеющихся исторических фактов и вспомогательной исторической информации, в целом ряде докладов было заявлено, что подобный «эпистемологический» подход к определению исторического мышления имеет существенные ограничения в отношении вопросов исторической дидактики. Одно из них было представлено в докладе Марио Карретеро (Автономный Университет Мадрида), который показал, что практики преподавания Реконксты в Испании (711–1492), как и Завоевание Пустыни в Аргентине (1890), представляют собой традиционные колониальные нарративы, идущие вразрез, например, с арабской историографией.

Общей позицией практически всех участников конференции стала мысль об историческом мышлении как наборе не только эпистемологических, но и социокультурных компетенций учащихся, а также учителей. Центральное значение в данном случае сыграл доклад Петера Гаучи (Педагогическая школа Люцерна), одного из наиболее авторитетных исследователей исторической дидактики, который представил участникам конференции новую теоретическую модель данной дисциплины и показал ее применимость на материале использования цифровой платформы «Спасаясь от Холокоста» и видеоигры «Когда мы исчезаем». Теоретическая модель исторической дидактики, представленная Петером Гаучи, опиралась на пятнадцать основных принципов: 1) базовые нарративы, термины, концепты; 2) Нарративность/Конструктивизм; 3) Темпоральность/Историчность; 4) Фактуальность/Воображаемость; 5) Мультиперспективность/Противоречивость; 6) Объективность/Объяснительный потенциал; 7) Идентичность/Чуждость; 8) Погружение/Рефлексия; 9) Эмоция/Познание; 10) Критическое мышление; 11) Моральность; 12) Современный мир/Жизненный мир; 13) Ключевые проблемы; 14) Базовые потребности; 15) Включение/Исключение. Говоря об исторической дидактике сегодня, он отмечает: «Обязательно необходимо развивать приложения и игры и привносить их в научное сообщество для дискуссий и исследований. Историческая дидактика должна попроситься с “Исследованием для проектов” и “Исследованиями проектов” и двигаться по направлению к “Исследованию через проекты”» [The Graz conference..., 76].

Доклад Пола Заназаниана (Университет Макгилла в Монреале), в свою очередь, был посвящен теоретическим проблемам учета и использования на уроках истории стратегий преподавания, принадлежащих различным этнокультурным традициям. Исторический опыт как важная сторона преподавания истории, по его мысли, всегда является совместно разделяемым. Это актуализирует идею взаимного познания и понимания, обращенную в первую очередь к учителям истории. Развивая мысли Й. Рюзена и Дж. Верча, он интерпретирует историческое сознание и историческое мышление как форму коммеморативной

практики, включающую в себя социокультурные процессы и опыт тех социальных групп, к которым принадлежат учителя. Методологической задачей исторической дидактики является исследование концептуальных рамок, оказывающих влияние на структуру порождения смыслов прошлого и схем конструирования исторического знания. Уроки истории для него являются формой жизненно-ориентированной практики и должны отражать условия современности, что актуализирует диалектическую, идеологическую позиции и позицию опыта.

Достаточно интересными для отечественного читателя являются зарубежные дискуссии об исторической культуре, о понятии, указывающем на важную сторону повседневной жизни, актуальных общественно-политических процессов для формирования исторического сознания, а также этической позиции его субъекта. В докладе Марии Гревер (Университет Эразмус) была предложена новая попытка описания структуры исторической культуры и ее динамики. Она предлагает анализировать структуру исторической культуры в рамках трех уровней: исторические нарративы и представления о прошлом, мнемоническая инфраструктура (церемонии, календари национальных праздников, места памяти, организация наследия, музеи, архивы, школы и другие институции), основополагающие концепции истории [The Graz conference, 53]. Ключевая проблема исторической дидактики, по мысли Марии Гревер, состоит в рационализации и гармонизации дебатов на школьных уроках истории.

Из всего многообразия докладов, посвященных различным аспектам образовательных практик и использованию потенциала современной исторической культуры, отметим доклад Андреаса Кёрбера (Гамбургский университет), посвященный специфике развития исторического сознания и исторического мышления школьников через интерпретацию монументов и памятников, окружающих их в повседневной жизни. Важнейшей целью доклада Кёрбера являлась теоретическая концептуализация такой возможности при учете основных тенденций современной исторической дидактики. Отталкиваясь от теоретических подходов Р. Левека и Й. Рюзена, он предлагает говорить об отношении к памятникам в контексте хорошо известных четырех

типов нарратива: традиционного, поучительного, критического, генетического [The Graz conference, 55]. Перефразируя известную схему Й. Рюзена, немецкий автор выделяет следующие практики обращения с монументами: поддерживать монументы (традиционный), объяснять монументы (поучительный), перемещать монументы (критический), изменять коммеморации вокруг монументов (генетический). Специфика каждого из нарративов была показана на примере монументов, посвященных конкретным личностям, абстрактным группам (например, неизвестный солдат), индивидуальным событиям. Данные типы отношения к монументам были проанализированы также сквозь призму логики исторического нарратива, социального отношения к монументам. В докладе было показано, что отношение людей к монументам далеко не всегда соответствует актуальным историческим нарративам; показаны также трудности, возникающие в процессе формирования у учащихся навыков генетического нарратива в отношении монументов.

Таким образом, даже поверхностное знакомство с материалами конференции указывает на трансформационные процессы, происходящие в исторической дидактике, и на трансформацию ее базовых понятий (историческое сознание, историческое мышление, историческая культура). Основными тенденциями данной трансформации могут быть названы центральная роль вопросов межкультурного диалога и познания на уроках истории, всестороннее использование цифровой среды в преподавании истории, миграционный фокус исторического образования и широкое распространение этической проблематики, истории повседневности на уроках истории. Заметим, что все перечисленные аспекты соотносимы с тенденциями развития современных memory studies, что рождает надежду на дальнейшее соотношение и взаимное обогащение двух дискурсов. Поскольку задачей данного обзора было стремление показать читателю только основные теоретические дискуссии вокруг базовых понятий исторической дидактики, мы не ставили перед собой цель описать многообразие конкретных образовательных практик, которые являются актуальными в свете современных вызовов, стоящих перед исторической дидактикой. Материалы конференции

готовятся к публикации и скоро увидят свет, самому ознакомиться с актуальными текстами
что даст возможность уважаемому читателю и докладами.

Список литературы

- Geschichtsdidaktische Theoriebildung zwischen Lebenswelt und Wissenschaft, 19–20 März. 2018. Workshop Papiere. Bielefeld, 2018. 32 s.
- Jeismann K.-E. Geschichtsbewußtsein als zentrale Kategorie der Geschichtsdidaktik // Geschichtsbewußtsein und historisch-politisches Lernen / Schneider, Gerhard (Hrsg.). Pfaffenweiler : Centaurus, 1988. S. 1–24.
- Palgrave Handbook of research in historical culture and education / ed. by M. Carretero, S. Berger, M. Grever. Basingstoke, England : Palgrave Macmillan, 2017. 856 p.
- Rüsen J. Historische Orientierung: Über die Arbeit des Geschichtsbewußtseins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Köln : Böhlau, 1994. 302 s.
- Rüsen J. Historical consciousness: Narrative Structure, Moral function, and Ontogenetic Development // Theorizing historical consciousness. Toronto : University of Toronto Press, 2004. 240 p.
- Schönemann B. Geschichtsdidaktik und Geschichtskultur. Geschichtskultur: Theorie — Empirie — Pragmatik / B. Mütter, B. Schönemann, U. Uffelman (Hrsg.). Weinheim : Deutscher Studien Verlag, 2000. 368 s.
- The Graz conference. Historical consciousness. Historical thinking. Historical culture. Core concepts of history didactics and historical education in intercultural perspectives reflections on achievements — challenges for the new generation, 11th–14th November 2020, University of Graz, Austria. Graz : Graz University Press, 2020. 130 p.

References

- Geschichtsdidaktische Theoriebildung zwischen Lebenswelt und Wissenschaft (2018). 19–20 März. Workshop Papiere. Bielefeld. 32 s.
- Jeismann, K.-E. (1988). Geschichtsbewußtsein als zentrale Kategorie der Geschichtsdidaktik. *Geschichtsbewußtsein und historisch-politisches Lernen* / Schneider, Gerhard (Hrsg.). Pfaffenweiler: Centaurus. S. 1–24.
- Palgrave Handbook of research in historical culture and education (2017) / Ed. by M. Carretero, S. Berger, M. Grever. Basingstoke, England: Palgrave Macmillan. 856 p.
- Rüsen, J. (1994). Historische Orientierung. Über die Arbeit des Geschichtsbewußtseins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Köln: Böhlau. 302 s.
- Rüsen, J. (2004). Historical consciousness: Narrative Structure, Moral function, and Ontogenetic Development. *Theorizing historical consciousness*. Toronto: University of Toronto Press. 240 p.
- Schönemann, B. (2000). Geschichtsdidaktik und Geschichtskultur. Geschichtskultur: Theorie — Empirie — Pragmatik / B. Mütter, B. Schönemann, U. Uffelman (Hrsg.). Weinheim: Deutscher Studien Verlag. 368 s.
- The Graz conference (2020). Historical consciousness. Historical thinking. Historical culture. Core concepts of history didactics and historical education in intercultural perspectives reflections on achievements — challenges for the new generation. 11th–14th November 2020 University of Graz, Austria. Graz: Graz University Press, 2020. 130 p.

Сведения об авторе

Линченко Андрей Александрович, кандидат философских наук, научный сотрудник Томского государственного университета, Томск, Российская Федерация

Information about the author

Andrey A. Linchenko, Cand. Sci. (Philosophy), Scientific Researcher at the Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Научное издание

TEMPUS ET MEMORIA

2021. Т. 2. № 1

Редактор и корректор
Компьютерная верстка

Т. А. Федорова
Л. А. Хухаревой

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77- 79281 от 02 октября 2020 г.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 01.07.2021. Формат 64 × 84 1/8. Гарнитура Charter.
Уч.-изд. л. 6,65.

Издательство Уральского университета.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

Данное электронное сетевое издание размещено в электронном архиве УрФУ
<http://elar.urfu.ru>